

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/283122821>

Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения (what do we know about Caucasian dolmens for sure? – in Russian)

Article · January 2001

CITATIONS

0

READS

158

1 author:

Viktor Trifonov

Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Russia, Saint-Petersburg

83 PUBLICATIONS 207 CITATIONS

SEE PROFILE

ДОЛЬМЕНЫ

**СОВРЕМЕННОКИ
ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Как это все начиналось
Дольмены и мегалиты: терминология
Кавказские дольмены: классификация
Дольменные памятники
Хронология западнокавказских дольменов
Происхождение дольменов Западного
Кавказа
Кто построил дольмены Западного Кавказа
Почему строили дольмены
Заключение

ГЛАВА

В. А. Трифонов

ЧТО МЫ ЗНАЕМ
О ДОЛЬМЕНАХ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
И ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЯ
ИХ ИЗУЧЕНИЯ

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ДОЛЬМЕНАХ ЗАПАДНОГО КAVКАЗА

Почти двести лет дольмены Западного Кавказа остаются предметом многочисленных исследований российских и зарубежных археологов¹. Несмотря на разнообразие тем и подходов, все они в той или иной степени были нацелены на решение главных вопросов: когда, для чего и кем были воздвигнуты эти удивительные памятники, ставшие неотъемлемой частью культурно-исторического ландшафта Западного Кавказа. Удовлетворительные ответы на эти вопросы и сегодня еще остаются заветной целью археологов. Как писал в конце прошлого века граф А.С.Уваров — один из пионеров сравнительного изучения кавказских дольменов — «...любопытно проследить, какие материалы подготовлены археологической наукой ... и насколько все сделанные доселе исследования приблизили нас к этой цели» (Уваров А.С., 1876). Для подобной оценки необходимы определенный отбор и систематизация результатов многолетних исследований, что позволит выделить те из них, которые соответствуют современным критериям достоверности знания. Другими словами, для успешного движения к пониманию феномена кавказских дольменов следует, по мере возможного, четко разделить твердо установленные факты и в различной степени достоверные, маловероятные, невероятные и ошибочные сведения и заключения. Подобная методика позволит не только избавиться от некоторых научных иллюзий, но и поможет оценить вероятность многочисленных гипотез и мнений относительно культурно-исторической природы дольменов.

КАК ЭТО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Чем дальше от нас начало изучения дольменов, тем очевиднее влияние сложившихся в тот период научных принципов на современные исследования кавказских мегалитов. Не только основы специальной терминологии и классификации, заложенные еще в первой половине XIX века, но и сам подход к проблеме все еще остается частью мировоззрения археологов — наших современников, которые порой воспроизводят модели исследования ушедшей научной эпохи, тиражируя заблуждения прошлого века.

Западнокавказские дольмены стали предметом научного интереса скорее в силу случайного стечения обстоятельств, чем целенаправленного научного поиска. Их открытие для науки следует связывать

не с экспедицией академика П.Палласа, как это часто полагают, а с деятельностью сотрудников государственной коммерческой компании, основанной в 1817 году в Керчи для организации меновой торговли с горцами кавказского побережья. «Попечителем» компании правительством был утвержден генуэзский коммерсант Рафаил Скасси, позднее отданный под суд за хищения и спекуляцию, в управление которого в числе прочих молодых иностранцев в 1818 году поступил Тетбу де Мариньи (Taitbout de Marigny), а в 1822 году — Антон Ашик. Де Мариньи — молодой (род. в 1793 г.) родовитый французский эмигрант из семьи дипломатов тогда только начинал свою карьеру на русской службе. Как торговый агент Р.Скасси и капитан одного из 15 судов компании, де Мариньи неоднократно бывал по делам (организация торговли лесом) в районе Геленджика и Пшады, где останавливался у местного князя, чья родственница — «княжна из натухаджей» — была замужем за генералом Бухгольцем — покровителем Р.Скасси. Летом 1818 года, пользуясь расположением к нему «черкесов», де Мариньи не только обмерил и описал несколько дольменов в районе Пшады, но и предпринял раскопки одного из них, а географ М.Тауш — раскопки еще двух дольменов. Вскоре де Мариньи оставил службу у Р.Скасси и отправился в Европу, где при поддержке богатого купеческого дома в Брюгге, заинтересованного в коммерческих операциях на Черном море, опубликовал в Брюсселе в 1821 году описание своего путешествия в Черкессию (De Marigny T., 1821). Книга имела успех и принесла автору репутацию способного исследователя и удачливого коммерсанта. По поручению нидерландского правительства в том же году уже в должности вице-консула де Мариньи вновь отправляется к берегам Черного моря с научными и коммерческими целями (Брун Ф., 1858). Таким образом, волей случая де Мариньи стал первым, кто опубликовал достоверные сведения о разmere и конструкции дольменов, указал на значительную древность памятников и их функцию гробниц. Кроме этого, он был первым, кто опубликовал легендарные сведения, почерпнутые из черкесского фольклора о великанах — строителях дольменов — и хитрых карликах, ездивших верхом на зайцах, — обитателях этих построек. К сожалению, его описание дольменов, опубликованное без иллюстраций, долгие годы оставалось без внимания специалистов — в Западной Европе только приступали к серьезному изучению мегалитов, а в России подобными памятниками и вовсе никто еще не интересовался. Не придавал большого значения открытию дольменов и сам де Мариньи, которого позднее больше за-

— Наиболее полную библиографию можно найти в фундаментальных работах В.И.Марковина (Марковин В.И., 1978; 1994; 1997).

— Мегалитические сооружения на Таманском полуострове в местности Чокрак-Кой, как и аналогичные им в Крыму, осмотренные П.Палласом в 1794 году (Pallas P.S., 1803), отличаются по основным признакам от западнокавказских дольменов в современном понимании и должны быть исключены из категории последних. На практике подобное объединение осталось только в историографии (Марковин В.И., 1997).

нимали вопросы гидрографии Черного моря. Показателем отсутствия научного интереса к кавказским дольменам в это время служит история с Антоном Ашиком, который, заведя с 1822 года в конторе Р.Скасси перепиской с «черкесами и абазинцами» (Мурзакевич Н., 1863), в 1826 году побывал по делам службы в Пшаде и, как он считал, «имел случай открыть» группу дольменов, которую судя по всему за 8 лет до этого видел и описал Тетбу де Мариньи. Об этом «открытии» он вспомнил только 20 лет спустя (Ашик А., 1846), став директором Керченского музея, побывав в Европе и познакомившись с многоотомным изданием, автором которого был высокообразованный швейцарец Дюбуа де Монпере (Dubois de Montpereux). Последнему принадлежит особое место в начальной истории изучения кавказских дольменов.

Под покровительством царского правительства в 1833 году он совершил продолжительное путешествие в Крым и на Кавказ, передвигаясь чаще всего на военных судах российской береговой охраны. Все благоприятствовало этому путешествию, в том числе довольно мирная в тот момент обстановка на кавказском побережье. Россия и Турция на короткий период стали союзниками.

Дюбуа де Монпере не был дилетантом и к началу путешествия внимательно изучил основные работы своих предшественников, включая публикации П.Палласа и Т. де Мариньи. В Крыму он внимательно осмотрел мегалитические гробницы Гаспры и мельком, в сумерках — аналогичные гробницы на Таманском полуострове у деревни Чокрак-Кой. Настоящие дольмены он видел в долине реки Атакум, левом притоке реки Абин, недалеко от форта Св.Николая³. Не делая различий между гробницами Крыма, Тамани и дольменами в долине Атакума, Дюбуа де Монпере первым обратил внимание на их сходство с мегалитическими памятниками в Бретани и на севере Франции (Dubois de Montpereux, 1843. P.73—74), тем самым он первым направил исследование кавказских мегалитических памятников в русло сравнительного анализа.

Последним существенным дополнением в первой половине XIX века к сведениям, собранным Дюбуа де Монпере о кавказских дольменах, стали

наблюдения Дж. Белла (James S. Bell) — эмиссара английской разведки на Западном Кавказе, осуществлявшего в 1836—1839 годах, наряду со снабжением горцев оружием и обучением их навыкам партизанской войны, сбор этнографической информации, что было в стиле разведок всех колониальных империй того времени. Записки Дж. Белла, впервые опубликованные в 1840 году в Лондоне, содержат лаконичное описание нескольких дольменов в районе Пшады и живописное изображение одного из них. Он сдержанно замечает, что эти «древние гробницы» многочисленны «в этой части страны» и «традиция умалчивает относительно их происхождения» (Bell J.S., 1840, p.154). Значение сделанных Дж.Беллом наблюдений оценил год спустя переводчик и комментатор его французского издания член географического общества Луи Вивьен (Louis Vivien). Он резонно сопоставил сведения Дж.Белла с материалами, прежде добытыми Тетбу де Мариньи и Дебуа де Монпере, и тем самым объединил все известные к 1841 году сведения о кавказских дольменах (Vivien L., 1841, s. 146—147). С этого времени почти на четверть века Западный Кавказ оказался закрытым для российских и западноевропейских исследователей из-за кровопролитной войны⁴.

Главным итогом периода пионерского изучения кавказских дольменов стало их открытие для европейского научного сообщества. В отличие от российской археологии, где это событие тогда осталось незамеченным, в Западной Европе были заинтригованы неожиданным сходством кавказских и европейских мегалитов. Для того чтобы оценить значение этого сходства и найти ему объяснение, требовалась соответствующая задачам исследовательская методика и, в первую очередь, был нужен инструмент сравнительного анализа дольменов и язык профессионального общения — терминология и классификация. Начальная история их формирования, полная случайностей и недоразумений, заслуживает особого внимания.

ДОЛЬМЕНЫ И МЕГАЛИТЫ: ТЕРМИНОЛОГИЯ

Вопреки широко распространенному мнению, привычные сегодня термины «дольмен» и «мегалит»

— Место расположения этого форта стало предметом дискуссии уже в конце XIX века (Марковин В.И., 1997, с. 12). В отличие от большинства рисунков, сделанных Дюбуа де Монпере с натуры и отличающихся большой точностью, изображение дольмена у форта Св.Николая выглядит странным, с нехарактерными для дольменов пропорциями, а также необычно высоким от основания расположением отверстия в боковой, а не в фасадной плите (Dubois de Montpereux, 1843, Atlas, Serie 4, pl.XXX, F.5). Возможно, этот рисунок был сделан по памяти.

— Основным источником сведений о народах Западного Кавказа, их обычаях и образе жизни в этот период стали наблюдения, сделанные офицерами русской армии. Некоторые из них упоминаются в своих записках и виденные ими дольмены. Например, в дневнике поручика Н.В.Симановского в записи от 13 мая 1837 года упоминает осмотренный им в районе Николаевской крепости (на пути из Абинска в Геленджик) «...памятник, сделанный склепом, внутри пустой ... довольно аккуратно из цельных камней...» (Грозова.И., 2000, с. 393). Описание сопровождается рисунком дольмена, сделанный офицером с натуры.

в приложении к кавказским памятникам стали использоваться далеко не с самого начала их изучения. Фактически всю первую половину XIX века в ходу были другие термины. Тетбу де Мариньи, Джеймс Белл и Антон Ашик при описании кавказских дольменов обходились общим термином «гробница» (англ. tomb; фр. tombe), а Дюбуа де Монпере, как более подготовленный исследователь, называл их *pierre-levee* (букв.: поднятый или поставленный камень). Так во Франции с XVI века, а возможно, и раньше, обозначали древние сооружения в виде гигантской каменной плиты или глыбы, опорой которой служили внушительных размеров вертикально поставленные камни. Первым, кто подобные и иные древние сооружения из массивных камней назвал мегалитами (от греческого *mega* — большой, *lithos* — камень), был А.Херберт (A. Herbert) из университета в Оксфорде, который в 1849 году изобрел и использовал этот термин в своей книге «Cyclops Christianus». Официально термин «мегалит» был принят французскими археологами в 1867 году на конгрессе в Париже. Пять лет спустя Джеймс Фергюссон (Fergusson J., 1872) ввел его в широкое употребление, опубликовав первое сравнительное исследование мегалитов мира, в котором были рассмотрены и кавказские памятники (J., P.Mohen, 1990, p.42).

Происхождение термина «дольмен» имеет более запутанную историю. Английский археолог Кристофер Чиппиндейл специально занимался происхождением этого термина и пришел к выводу, что слово «дольмен» впервые появилось во французской археологической литературе в самом начале XIX века и является искаженным заимствованием из кельтского по происхождению корнского языка (полуостров Корнуолл, Великобритания), в котором слово *tolven*, оказывается, означало не искусственное сооружение, а природное явление, результат выветривания — большой валун на вершине каменного холма (Chippindale C., 1986). Англичане заимствовали термин «дольмен» у французов во второй половине XIX века и стали использовать его для обозначения памятников, которые до этого они называли *кромлех* (англ.: *cromlech*), словом, заимствованным, по мнению К.Чиппиндейла, из корнского или валлийского языков (валл.: *crom* — изогнутый, *lech* — плоский камень). Терминологическую путаницу усиливало использование французами в это же время термина «кромлех» (фр.: *un cromlech*), заимствованного ими также из кельтского по происхождению бретонского языка, для обозначения другого типа памятников — вертикально поставленных в круг камней, а не дольменов, как в Англии. Череду этих странных, сбивающих с толку заимствований и употреблений, разобраться с которыми было трудно уже 100 лет спустя (Daniel G., 1950), возможно, объясняет комментарий А. С. Уварова, современника формирования «мегалитической» традиции в европейской археологии. Он был убежден, что новая терминология,

в том числе и термин «дольмен», была изобретена французским археологом Бодэном (Baudin) в самом начале XIX столетия. Творчество Бодэна было стимулировано популярной в то время идеей о строительстве мегалитических сооружений Бретани ее древним населением — кельтами. Исходя из этого, Бодэн приступил к конструированию особых названий, соответствующих внешне виду памятников, заимствуя слова из бретонского языка. Для памятников, внешне напоминающих стол, он придумал, подчеркивал А.С.Уваров, слово «дольмен» (брет.: *dol* — стол, *maen* — камень); для круглых оград из камней — «кромлех» (брет.: *crom* — очертание, окружность, *lech* — место); для одиночно стоящих высоких камней — «менгир» (брет.: *maen* — камень, *hir* — длинный). В 1814 году французский археолог Миллэн (Millin) «усомнился в успехе такого нововведения», но... оно «имело неожиданный успех» (Уваров А.С., 1876). Десять лет спустя в большой работе о древних погребениях Франции Легран-Досси (Le Grand d'Aussy, 1824) «за неимением других» воспроизводит терминологию Бодэна, а еще позднее ее происхождение стали забывать, принимая термины за остатки древнего языка и называя памятники «друидическими» (Уваров А.С., 1876). Эта европейская тенденция тогда же нашла отражение и в российской археологии (Фабр А., 1848; Сысоев В.М., 1898). Исследование сопоставимых с французскими памятников далеко за пределами кельтского мира, в первую очередь в Дании и Швеции, сделали употребление псевдокельтских названий неуместным и вводящим в заблуждение. Именно поэтому, не без колебаний, вместо определения «кельтский» или «друидический», соответствующие памятники после 1867 года чаще всего стали называть «мегалитическими». Своим нейтральным отношением к народам — строителям дольменов, этот термин внешне примирил участников европейской дискуссии, освобождая археологов от предвзятых мнений. Нельзя сказать, что определение «мегалитический памятник» полностью удовлетворило европейский спрос на универсальную терминологию. Это был определенный компромисс между обще-европейскими археологическими интересами и опытом национальных археологических школ. Недостаток научной точности в определении «мегалитический», на что указывали уже в 1868 году И.И.А.Ворсо (J.J.A.Worsaae) и Н.Шуерманс (N.Schuermans) (Уваров А.С., 1876), стали причиной параллельного использования и развития общеевропейской и национальной терминологий. Термин «дольмен» стал использоваться только в самом широком значении для обозначения построек из перекрытых одним или несколькими, как правило, крупными необработанными камнями вертикально поставленных плит или валунов, образующих погребальную камеру. Одновременно в Дании варианты подобных сооружений продолжали называть *dysse*, в Гер-

мании — Steinkisten, в Голландии — hunebedden, в Португалии — anta (Joussaume R., 1988)⁵.

В отличие от Западной Европы в России специальной терминологии, до принятия «нейтральных» общеевропейских терминов «мегалит» и «дольмен», не существовало. Раньше других эти термины, видимо, стали использовать профессор Московского университета К.К.Гёргц, завершивший в 1869 году свою работу «Археологическая топография Таманского полуострова» (была издана только в 1898 году) (Гёргц К.К., 1898, с. 144 — 146), известный исследователь кавказских языков и этнографии А.П.Берже, подготовивший записку об археологии Кавказа для второго Археологического съезда в Петербурге (Берже А.П., 1875; 1876), хранитель Кавказского музея в Тифлисе Фредерик Байерн (Байерн Ф.С., 1871) и основатель Московского Археологического общества граф А. С. Уваров (Уваров А.С., 1876). Все они заимствовали термины, вероятно, из одной и той же работы швейцарца барона А.Бонштеттена (Bonstetten A., 1865). Таким образом, с конца 60-х — начала 70-х годов XIX века российские исследователи кавказских дольменов стали говорить со своими европейскими коллегами на одном научном языке.

У этого события были свои долговременные положительные и отрицательные последствия.

Очевидным научным достижением, во-первых, стало выделение кавказских дольменов в самостоятельный объект научных исследований.

Во-вторых, возникла возможность их сравнительного изучения в контексте развития древнего мегалитического строительства в Европе и Азии.

Отрицательные последствия, как это часто бывает, оказались продолжением положительных.

Самостоятельность кавказских дольменов как объекта научных исследований очень скоро обернулась их изолированностью от остальных компонентов древней культуры. Дольмены рассматривались прежде всего как феномен древней архитектуры и преобладающим был анализ их строительной техники и декоративного оформления. Яркость мегалитических памятников долго затмевала прочие аспекты культуры их строителей, а содержание понятия «дольменная культура»⁶, в привычном для современных археологов смысле, оставалось неясным.

Со временем дала о себе знать изначальная нечеткость терминов «мегалитический» и «дольмен». Приблизительно к середине XX века было установлено, что многие типы западноевропейских мегалитов являются только вариантом аналогичных, но менее внушительных сооружений из мелких камней, земли и дерева, то есть формально не являются мегалитическими, но по существу представляют одно и то же явление и культуру. Кроме того, оказалось, что из обжитых людьми континентов, мегалитов и, в частности, дольменов не строили только в Австралии, причем в некоторых районах мира их сооружали еще в XIX веке⁷. Другими словами, с открытием культурного и хроно-

— В отличие от Западной Европы на Западном Кавказе попытки введения в научное употребление национальной археологической терминологии, заимствованной из адыгейского языка западнокавказской (абхазско-адыгской) группы языков, относятся не к начальному периоду изучения дольменов, а к 90-м годам XX века. Сначала в кавказках, а затем и без них, в работе Н.Г. Ловпаче термин «испыун» (адыг.: испы - карлик, ун - дом) (Тхаркахо Ю.А., 1991) приобрел этнически определенное значение и заменил термин «дольмен», вытеснив последний даже из формальных археологических описаний (напр.: «...череп женщины испыуна №7...»; «...испы не вымышленный, а...конкретный действующий участник истории»; «адыгские испы» (Ловпаче Н.Г., 1997, с. 28, 44, 45). Причиной этого новшества была не столько забота о научной точности терминологии, сколько неуместные в науке националистические амбиции и ложные представления о национальном достоинстве этнической истории Адыгеи (Ловпаче Н.Г., 1998.). Тем самым это была попытка внесения в кавказскую археологию национальной предвзятости, от которой европейская наука с облегчением избавилась более 100 лет назад.

— Понятие «дольменная культура» вошло в научное употребление без какого-либо обоснования и к концу 50-х годов стало широко употребляться как очевидное и не требующее доказательств. Понятие «дольменная культура» на практике всегда было эквивалентно понятиям «культура дольменов» или «культура строителей дольменов». Настаивая на употреблении только последнего определения, псевдоточность которого закреплена в аббревиатуре КСД (Рысин М.Б., 1992), можно оказаться втянутым в беспредметный схоластический спор, например, о том, в какой степени «строителей дольменов» и тех, кто не принимал участия в их сооружении, но проживал на тех же поселениях, считать составными частями одной и той же культуры. Название «дольменная культура» прочно прижилось в отечественной археологии благодаря его соответствию традиции выделения ряда культур эпохи бронзы степной зоны Восточной Европы по характеру погребальных сооружений (ямная, катакомбная, срубная культуры), основанной еще Городцовым — одним из основоположников отечественной археологии. Совпадение ареалов дольменов и связанных с ними поселений обеспечивают понятию «дольменная культура» содержательную ценность и сегодня.

— Сохранились абсолютно достоверные сведения о сооружении внушительных размеров погребальных сооружений в виде дольменов (похожих, между прочим, на кавказские) еще в конце XIX века на Мадагаскаре (Joussaume R., 1988, p.245-246; Mohen J.P., 1990, p.57).

логического многообразия древних памятников из гигантских камней представление о единстве мира мегалитов стало не более чем красивой аллегорией, а «мегалит» и «дольмен» — служебной терминологией. На практике это означало, что, как только первое впечатление о сходстве и генетическом родстве дольменов Европы и Азии рассеялось, на смену почти глобальных сопоставлений пришли региональные исследования, которые должны были дать ответ на вопрос, в чем различия между похожими, на первый взгляд, памятниками. Это была проблема классификации дольменов, развитие которой — отдельная история.

КАВКАЗСКИЕ ДОЛЬМЕНЫ: КЛАССИФИКАЦИЯ

Классификация и ее разновидность типология является основополагающим, традиционно надежным и наиболее мощным инструментом научного познания любого археологического феномена, в том числе и дольменов. Если исследователь стремится к открытию исторически и культурно значимых явлений, то одним из основных условий достоверности его выводов будет полнота исходного описания памятника. Эту тривиальную по существу мысль тем не менее следует иметь в виду, так как именно полнота описания дольменов стала одной из причин проблем с их типологией. На ущербность описания мегалитов как причину путаницы в их типологии впервые в должной мере обратил внимание классик мегалитических исследований английский археолог Глен Даниел. Трудность описания мегалитических сооружений, считал он, состоит в определении, (1) как именно памятник выглядел после завершения основного этапа строительства, (2) какие строительные изменения были внесены в период его эксплуатации и (3) что было разрушено после того, как памятник был заброшен и перестал использоваться по своему прямому назначению (G. Daniel, 1950). Проблемы с подобным описанием стали источником самых первых дискуссий по вопросам типологии дольменов. А.С. Уваров, автор первой в России типологии кавказских дольменов, заимствовал основные ее принципы из

работ А.Бонштеттена и Десора (Bonschettten A., 1865). Полагая, что он вносит существенную поправку в работу предшественников, А.С. Уваров оспаривал справедливость мнения о тесной конструктивной взаимосвязи между дольменом и окружающей его насыпью, на чем А.Бонштеттен и особенно Десор настаивали. Для них было очевидным, что большая часть насыпей над мегалитическими гробницами в Западной Европе исчезла в результате поздних разрушений, в первую очередь хозяйственной деятельности, в том числе, расчистки крестьянами полей от камней. В результате до наших дней сохранились только лишенные насыпей, сложенные из гигантских камней погребальные камеры, разрушить которые крестьяне оказались не в силах. Отказавшись от насыпи как «родовом» признаке дольменов А.С. Уваров вошел в свою классификацию некоторые заимствованные определения (например: «корытообразные дольмены» — фр.: en forme d'auge — в форме корыта), а главное, сохранил в ней принцип европейской классификации, основой которой были конструктивные и строительные особенности дольменов. Вместе с принципами классификации и терминологией, А.С. Уваров внес в типологию кавказских дольменов наивный эволюционизм, полагая, что все многообразие их форм восходит к наиболее простому сооружению из четырех плит, перекрытых пятой (Уваров А.С., 1876). Необходимость систематизации новых материалов, добытых в результате полевых археологических исследований дольменов, очень скоро потребовала усовершенствования классификация А.С. Уварова⁸.

Выдающийся кавказский краевед, председатель Кавказской Археографической Комиссии, войсковой старшина Е.Д. Фелицын¹¹ был вынужден расширить перечень основных признаков дольменов с 9 (у А.С. Уварова) до 22, с тем, чтобы описать известные ему разновидности памятников (Фелицын Е.Д., 1904, с. 14—15). Е.Д. Фелицын стремился отразить в своей классификации все известные ему варианты устройства дольмена в целом и отдельных его частей (пол, фасад, отверстие и прочее), в частности. Располагая в тот период самым большим опытом полевых наблюдений, Е.Д. Фелицын, при всем его уважении к А.С. Уварову, не колеблясь принял прежде отвергнутую последним точку зрения А.Бонштеттена на су-

— Сегодня мало кому приходит в голову заниматься происхождением дольменов в широком смысле этого слова. Это так же бесперспективно, как изучать происхождение курганов или, например, погребальных ям и катакомб вне контекста конкретной культуры, что еще четверть века назад было допустимым в археологии.

— Кавказских дольменов А.С. Уваров никогда не видел. В семидесятые годы XIX века ему довелось осмотреть мегалитические гробницы в Крыму, что и послужило причиной его интереса к подобным памятникам. Оказавшись в Екатеринодаре проездом из Тифлиса поздней осенью 1881 года А.С. Уварову не удалось осмотреть кубанские дольмены из-за рано наступивших холодов (Фелицын Е.Д., 1904, с. 4).

— Наиболее полная история развития классификации кавказских дольменов изложена в фундаментальных исследованиях Марковина В.И. (Марковин В.И., 1978; 1994; 1997).

— А.С. Уваров, как позднее его вдова графиня П.С. Уварова поддерживал исследования дольменов Е.Д. Фелицыным, который, в свою очередь, с большим интересом и уважением отнесся к исследованию мегалитов А.С. Уваровым, на которое он главным образом и опирался (Фелицын Е.Д., 1904, с. 13). Иностранная литература по мегалитам, которой пользовался А.С. Уваров, в Екатеринодаре Е.Д. Фелицыну была недоступна.

ществование подкурганных дольменов в Европе, что полностью соответствовало наблюдениям Е.Д.Фелицына на Кубани.

Новая версия теперь уже классификации Е. Д. Фелицына спустя почти 60 лет была предложена Л.И. Лавровым — известным кавказоведом-этнографом (Лавров Л.И., 1960). Его типология дольменов — это, скорее краткий конспект работы Е. Д.Фелицына. Полностью заимствовав у Е.Д.Фелицына без каких-либо внятных ссылок типологию и терминологию, слегка «упростив» их, Л.И.Лавров отказался от очевидного достоинства схемы Е.Д.Фелицына — учета наличия насыпи вокруг дольмена. В определении: дольмен «обычного» типа (т.е. четыре плиты, перекрытых пятой) — он сохранил мысль А.С.Уварова об исходной форме в эволюционном ряду всех дольменов (Лавров Л.И., 1960, с.103) ¹². В остальном типология Л. И. Лаврова была внешне более простой, чем схема Е.Д. Фелицына, и достаточно гибкой, чтобы описать дольмен любой формы и конструкции.

Последняя и самая известная среди специалистов редакция типологии дольменов Уварова — Фелицына — Лаврова принадлежит В.И.Марковину — авторитетному московскому археологу-кавказоведу, чья экспедиция с 1967 по 1975 год исследовала дольмены в различных районах Западного Кавказа. Последовательный учет особенностей строительной техники и планировки дольменов позволил ему все их многообразие разделить на четыре основных типа, несколько вариантов и видов. Нововведением был термин «плиточные дольмены», т.е. построенные из плит, который заменил термин «обычные» дольмены Л.И. Лаврова или «полные» дольмены Е.Д.Фелицына. Названия остальных типов были сохранены: составные дольмены, т.е. построенные из каменных блоков и плит ¹³; корытообразные дольмены, т.е. высеченные в каменной глыбе и перекрытые плитой; монолитные дольмены — нетранспортабельные сооружения, вырубленные в скале. В зависимости от формы дольмена в плане (прямоугольные, трапециевидные, круглые, полукруглые) и наличия различных архитектурных дополнений (контрфорсы, портал, притвор, дромос, двор) были выделены варианты и виды построек. Несмотря на то что большинство упомянутых архитектурных дополнений, как правило, были связаны с наличием вокруг дольмена насыпи, этот элемент конструкции в классификацию

не вошел ¹⁴. Исходя из гипотетически возможной эволюции строительной техники, В.И.Марковин предположил, что развитие дольменов на Кавказе шло от плиточных к составным (блочным), а корытообразные и монолитные дольмены представляют только технически иное воплощение дольменов из плит. Определенная деградация строительной техники, по мнению В.И.Марковина, привела к строительству из блоков даже круглых в плане дольменов (Марковин В.И., 1994). Естественно, сомнения в возможности такой эволюции усиливало отсутствие достаточно достоверных данных для независимой датировки большинства выделенных типов дольменов и проверки гипотезы об их архитектурном развитии.

Поводом для радикальной ревизии классификации В.И.Марковина стал научный спор о типологической принадлежности мегалитических гробниц, открытых в 1898 году у станицы Царской (современная ст. Нововосободная) Н.И.Веселовским (Попова Т.Б., 1963). Эти своеобразные гробницы со времен открытия не без оснований считали дольменами, но в 70-е годы ленинградский археолог А.Д.Резепкин, принимавший участие в экспедициях В.И.Марковина, стал называть их исключительно «двухкамерные гробницы», вкладывая в это название особый смысл. В рецензии на работу В.И.Марковина он настаивал на исключении нововосободненских гробниц из категории дольменов, так как «гробницы имеют по две камеры и в каждой находились погребенные, тогда как у плиточных дольменов всегда только одна камера» (Резепкин А.Д., 1974, с.314). Трудно понять, почему это ошибочное заключение было приведено как серьезный аргумент. Из описания Н.И.Веселовского было хорошо известно, что погребенные в открытых им гробницах находились только в одной из двух камер (Попова Т.Б., 1963). Это подтвердили и раскопки аналогичных гробниц у той же станицы Нововосободная самого А.Д.Резепкина (Резепкин А.Д., 1991). Справедливо отвергая упреки в типологической путанице, В.И.Марковин подчеркнул, что камеры нововосободненских гробниц серьезно различаются как по конструкции, так и по функции. Погребальная камера во всех случаях имеет пол из каменных плит, в то время как в примыкающей к ней камере (притвор) его нет (Марковин В.И., 1994., с.231). Если принять в расчет, что плита с отверстием, отделяющая камеру от притвора, как и в дольменах, всегда установлена в

— Учитывая тесную связь между исследованиями Е.Д.Фелицына и А.С.Уварова, особенно странным в работе Л.И.Лаврова выглядит отсутствие упоминания даже имени А.С.Уварова.

12

— Если следовать логике и смыслу классификации В.И. Марковина, определение «составные дольмены» должно быть заменено на «блочные дольмены» как более соответствующего конструктивным особенностям. Строго говоря, составными являются дольмены всех типов, исключая монолиты.

13

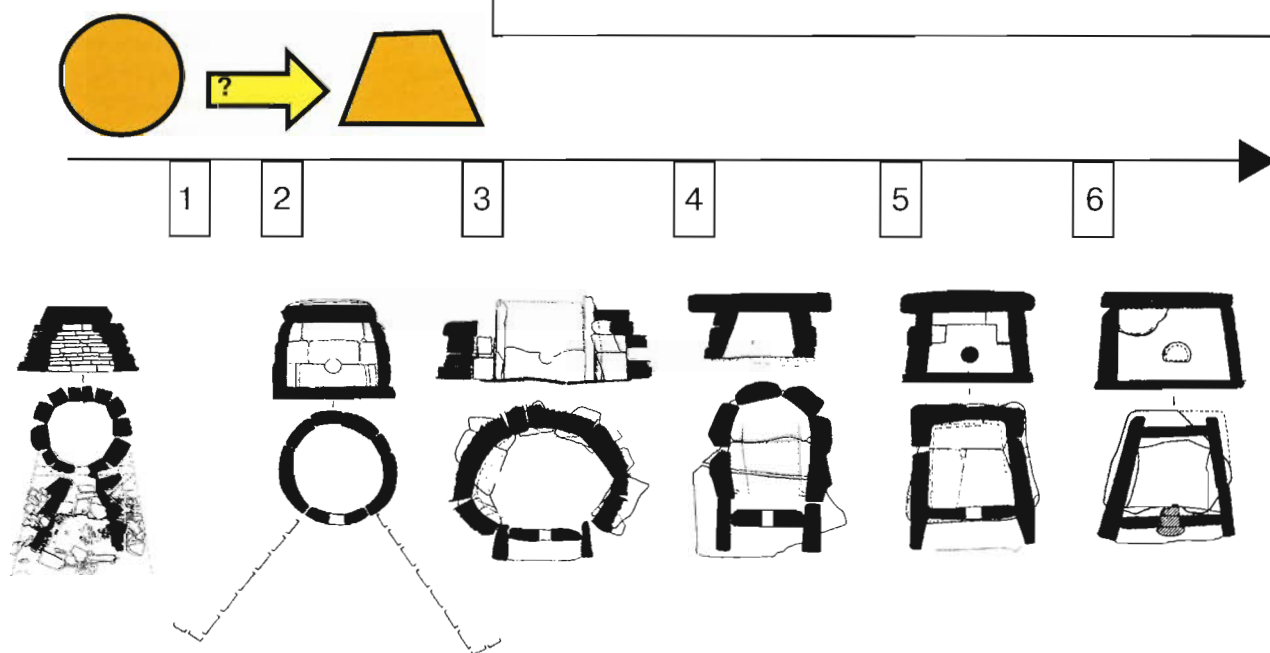
— Этот, на первый взгляд, незначительный пробел в классификации на самом деле является источником серьезных проблем не только с систематизацией дольменов и пониманием их строительной эволюции, но и с развитием практики археологических раскопок дольменов. Оставляя без внимания насыпь вокруг дольмена, археологи лишаются почти всех шансов понять тонкости мегалитического строительства.

14

пазы между боковыми плитами камеры, а вход в притвор закрыт чаще всего небольшими плитами и камнями¹⁵, то окажется, что между новосвободненскими гробницами и дольменами больше сходств, чем различий, как полагает В.И.Марковин, чем различий, как считает А. Д. Резепкин.

Пересмотр типологической принадлежности новосвободненских гробниц был только частью плана по замене традиционной классификации новой, автору которой хотелось, чтобы она разом объяснила многообразие форм дольменов, их происхождение и культурную принадлежность. С неуместной уверенностью в полном отсутствии у кого-либо «серьезных сомнений в том, что родина западнокавказских мегалитов — Европа», А.Д.Резепкин предложил систематизировать кавказские мегалиты в полном соответствии с принципами классификации западноевропейских мегалитов, разработанных Г.Даниелом¹⁶ (Daniel G., 1941; 1950.) (Резепкин А.Д., 1988, с.156). В новой интерпретации все мегалитические памятники Западного Кавказа были разделены на три типа: прямоугольные гробницы (1); подковообразные гробницы (2) и дольмены (3). Прямоугольные гробницы новосвободненского типа рассматривались как угасающая ветвь в развитии западноевропейских по происхождению мегалитических галерейных гробниц, а подковообразные гробницы и дольмены — как развитие на Кавказе традиции западноевропейских ко-

Возможное направление строительной эволюции: от круглых в планетдольменов к трапециевидным

1) Красная Поляна; 2) Жанэ, 1 ; 3) Гузерипль, 2 ; 4) Гузерипль, 1 ; 5) Азербиевка (Некис); 6) Кизинка, 54 (рис.3-6 — по В. И. Марковину).

— Интересно, что погребальную камеру одной из гробниц, раскопанных Н.И.Веселовским в 1898 году, перекрывала плита, значительно превосходящая по размеру плиту, перекрывающую притвор (Попова Т.Б., 1963).

— Разработанная Г.Даниелом классификация основана на разделении всего многообразия мегалитических памятников Западной Европы (в первую очередь Англии и Франции) на две больших группы: галерейные гробницы (англ.: gallery — галерея, grave — могила) и коридорные гробницы (англ.: passage — коридор, grave — могила), с последующим выделением типов и вариантов в каждой из них. Очень скоро выяснилось, что эта классификация не универсальна и ее использование на практике нередко приводит к путанице и противоречиям из-за невозможности точно определить, к какой группе относится тот или иной памятник. На это обратил внимание сам Г.Даниел (Daniel G., 1950).

ридорных или их разновидности — купольных гробниц. Согласно А.Д.Резепкину, традиция сооружения на Кавказе так называемых двухкамерных гробниц бесследно исчезает¹⁷ вместе с новосвободненским вариантом майкопской культуры, а ее место занимает совершенно другая, но тоже западноевропейская (средиземноморская) по происхождению традиция подковообразных гробниц и дольменов. Полагая, что на Кавказе мегалитическое строительство развивалось в том же направлении, что и в Европе, он реконструировал по европейскому образцу два направления архитектурной эволюции подковообразных гробниц (подковообразные или составные дольмены по Лаврову—Марковину). В одном случае, по представлениям А. Д. Резепкина, они эволюционировали в построенные из плит прямоугольные дольмены, в другом — в круглые гробницы (Резепкин А.Д., 1988. с. 163, табл. 2)¹⁸. Это было изобретательным и остроумным подходом к старой проблеме классификации дольменов. В первую очередь, он демонстрировал не одну, а несколько возможностей объяснения многообразия их форм и конструктивных решений. Главным достоинством классификации был анализ далеко не очевидных, но возможных путей строительной и архитектурной эволюции дольменов.

Ценным вкладом стал опыт сравнительного анализа развития мегалитов Западной Европы и Кавказа. Классификация вновь возвращала внимание исследователей к конструктивно тесной взаимосвязи между дольменами и связанными с ними насыпями.

В то же время при отсутствии достоверной и независимой датировки различных типов дольменов схема их развития, предложенная А.Д.Резепкиным, остается в такой же степени гипотетичной, как и схема В.И. Марковина. Кроме этого, классификация А.Д. Резепкина вносит неуместную сегодня предвзятость при использовании западноевропейской мегалитической терминологии, которая дезориентирует и навязчиво отвлекает от альтернативных возможностей объяснения происхождения и развития дольменов на Кавказе. Наконец, эта типология не объясняет всего многообразия форм дольменов и заметно уступает по полноте их описания классификации В.И.Марковина.

В целом, ориентированная на конструктивные особенности дольменов, классификация В.И.Марковина и, нацеленная на поиск закономерностей строительной эволюции дольменов, классификация А. Д. Резепкина, как это часто бывает в археологии, не исключают, а скорее дополняют друг друга.

Одним из наиболее ценных итогов развития

— Археологические исследования последних лет показали, что вывод об отсутствии «промежуточных форм» между новосвободненскими гробницами и классическими дольменами (Резепкин А. Д., 1974, с.314), вероятнее всего, является преждевременным. Признаками «промежуточных» форм обладают, например, дольмены, исследованные А. Д. Резепкиным у ст.Новосвободная (курган «Серебряный») и поселка Усть-Сахрай (Джанхот И., 1992; Марковин В.И., 1994).

— Подобная реконструкция направления и результатов эволюции строительной техники дольменов прямо противоположна мнению В. И. Марковина, согласно которому «составные» полукруглые и круглые в плане дольмены представляют конечный результат развития трапецевидных в плане дольменов из плит (Марковин В.И., 1994, с.237). Парадокс ситуации заключается в том, что оба варианта архитектурной эволюции сегодня могут рассматриваться как одинаково вероятные, так как ни у одного из них нет преимуществ в виде достоверной и независимой датировки различных типов дольменов. Более того, исходя из высокой вероятности эволюционного развития инженерно-строительной техники того времени, высокой степени ее консерватизма и неизбежном при этом возникновении многочисленных переходных и рудиментарных форм, можно предложить не только несколько альтернативных вариантов возможной смены одних типов дольменов другими, но и допустить существование практики одновременного строительства дольменов различных типов. Например, ряд таких рудиментарных признаков как трапецевидность в плане и разрезе при одновременной закругленности углов и всех стен, включая фасад, у ряда корытообразных, монолитных дольменов и дольменов, сложенных из Г-образных блоков, могут указывать на их происхождение от блочных (составных) дольменов с полукруглыми (апсидообразными) камерами и закругленными фасадами, которые, в свою очередь, возможно, произошли от построенных из блоков круглых дольменов (см. таблицу). Переход от строительства из блоков к строительству из плит может, таким образом, объяснить происхождение технически немотивированной трапецевидной планировки дольменов (трапецевидность в плане), как рудиментарного воспроизводства в новой строительной технике апсидообразного стандарта предшествующего времени. С другой стороны, развитие дольменов от круглых к трапецевидным никак не объясняет существование прямоугольных в плане дольменов, происхождение которых, возможно, следует связывать с новосвободненскими гробницами. Наконец, такой архитектурный комплекс, как Жана(е) в районе Геленджика, созданный, возможно, по единому замыслу из двух круглых и трапецевидного в плане дольменов, позволяет предположить, что в какой-то период строители дольменов могли с легкостью воспользоваться сразу несколькими архитектурными «проектами». Какими бы правдоподобными не были эти предположения, единственным основанием для оценки их достоверности может служить независимая от эволюционных рассуждений датировка различных типов дольменов, чем в полном объеме современная кавказская археология еще не располагает.

современной классификации мегалитических памятников Западного Кавказа стало формирование четких представлений о том, что дольмен (т.е. погребальная камера), какого бы типа он не был, является только частью погребально-культового памятника, состоящего, как правило, еще из насыпи, полностью или частично покрывающей камеру, и двора перед ее фасадом. В отличие от притвора, приставного портала или дромоса, сооружение которых могло и не входить в планы строителей, насыпь и двор относятся к необходимым конструктивно-функциональным элементам. Кроме необходимости обеспечить сохранность погребальной камеры, насыпь предоставляла, видимо, единственную техническую возможность установки многотонной крыши дольмена. В свою очередь, двор перед фасадом открывал доступ к погребальной камере¹⁹, проникнуть в которую можно было через отверстие, чаще всего достаточное по размеру (35—45 см) для взрослого человека средней комплекции²⁰. Наличие признаков дворов и насыпей настолько типично для кавказских дольменов²¹, что при повторном осмотре или раскопках большинства давно известных и опубликованных без упоминания насыпей памятников эти признаки с легкостью обнаруживаются. Отсутствие насыпей чаще всего означа-

ет их разрушение²². Другой причиной формирования устойчивого заблуждения о широком распространении свободно стоящих дольменов без насыпей были результаты ограниченных по площади раскопок, когда исследовалась только камера и небольшой участок вокруг нее.

Важным итогом работ по систематизации кавказских дольменов были выводы о высокой степени стандартизации строительных и архитектурных эталонов, на которые ориентировались их строители. Относительно массовое возведение дольменов на протяжении не менее тысячи лет²³ требовало почти профессиональных навыков. Изготовление многотонных заготовок в карьере, их транспортировка на место строительства, подгонка плит и блоков друг к другу, монтаж и окончательная отделка видимых поверхностей — все эти операции²⁴ требовали согласованных действий больших групп людей²⁵, а главное — предварительного архитектурного замысла, на осуществление которого и были направлены все усилия. Естественный консерватизм этого освященного традицией замысла проявлялся в стремлении строго следовать канону даже при внедрении в строительную практику технических новшеств. Не только конструкция, планировка и оформление фасада, но так

— Кроме обеспечения доступа к погребальной камере, двор использовался для отправления погребальных и поминальных культов, на что указывают многочисленные характерные находки на его полу. По некоторым данным, с завершением по каким-либо причинам эксплуатации дольмена как склепа двор иногда засыпался, преграждая путь к погребальной камере. В случаях с фальшивыми пробками («фиктивная втулка» по Л.И.Лаврову), т.е. рельефным изображением на фасадной плите несуществующей пробки, закрывающей несуществующее отверстие, в противоположной стене всегда существовало скрытое насыпью настоящее «секретное» отверстие (Марковин В.И., 1994, с.240), но двор был перед «фальшивым» фасадом.

19

— Существует устойчивое заблуждение относительно недостаточно большого размера отверстия для проникновения в дольмен. На его ошибочность указывал Л.И.Лавров, приводя в числе прочих аргументов пример дольменов-монолитов, проникнуть в которые можно только через фасадное отверстие (Лавров Л.И., 1960, с.104-105). Это мнение подтверждает и практика археологов, в том числе моя собственная, а также многочисленных туристов.

20

— В свое время Е.Д.Фелицын в связи с этим даже привел рассказ о раскопках дольмена под курганом одним английским эмиссаром «во владениях ... Абадзехов» в 50-е годы прошлого века (Фелицын Е.Д., 1904, с.16).

21

— Причин разрушения насыпей может быть несколько. В одних случаях они были разобраны, так как оказались на обрабатываемых участках земли, в других — камни из насыпей были вторично использованы для сооружения расположенных поблизости средневековых курганов, в- третьих — насыпи были разрушены кладоискателями или, располагаясь на склонах, исчезли в результате естественной эрозии.

22

— При самых приблизительных оценках, на всем Западном Кавказе, при условии регулярного строительства, в год, возможно, сооружали не более 10 дольменов.

23

— Изучение карьеров, неиспользованных заготовок, бракованных изделий, строительных отходов, следов обработки различными каменными и металлическими орудиями, а также изучение самих инструментов (Марковин В.И., 1978, с. 190-201) является многообещающей перспективой трасологических исследований ближайших лет.

24

— В 1979 году в Бугони (Франция) по инициативе известного французского исследователя мегалитов Ж.. П.Мозна был осуществлен археологический эксперимент, в ходе которого из древнего карьера на место строительства мегалитов был доставлен 32-тонный каменный блок. Для этого потребовалось объединить усилия 200 человек, оснащенных веревками, деревянными рычагами и бревенчатыми катками. Похожий эксперимент по установке гигантских каменных скульптур на острове Пасхи успешно осуществил Тур Хейердал (Mohen J.P., 1990, p. 178-182).

25

же пропорции и абсолютные размеры деталей дольменов демонстрируют устойчивость традиций. Это наиболее очевидно из анализа многочисленных архитектурных обмеров, начало которым было положено еще Е.Д.Фелицыным и доведено до профессиональных архитектурных стандартов Л.И.Лавровым и, особенно, В.И.Марковиным (Лавров Л.И., 1960; Марковин В.И., 1978)²⁶. Варианты современной статистической обработки подобных данных были предложены В.А.Дмитриевым и А.Д.Резепкиным (Дмитриев В.А., 1979, 1983, 1984; Резепкин А.Д., 1982)²⁷. Анализ обмеров, независимо от того, по какой методике он был произведен, дал приблизительно одинаковые результаты, подтверждая справедливость первых впечатлений исследователей о значительной стандартизации качества строительства и устойчивости пропорций погребальных камер, фасадных плит и отверстий в пределах нескольких регионов Западного Кавказа (Сысоев В.М., 1904). Благодаря исследованию В.А.Дмитриева были вычислены вероятные линейные меры дольменной архитектуры. По его расчетам, ими были «дольменный» локоть, равный приблизительно 52см, и «дольменная» ладонь — около 7,5см, а строительным модулем — как и предполагал В.И.Марковин (Марковин В.И., 1978, с.188) — размер отверстия в фасадной плите (Дмитриев В.А., 1987).

Оценивая в целом консервативное своеобразие архитектурного стиля мегалитических памятников Западного Кавказа, можно заметить, что на протяжении всего периода строительства дольменов в распоряжении их создателей было всего несколько, если так можно сказать, типовых проектов, варианты которых и составляют общее многообразие форм. Использование такого понятия, при всей условности

его приложения к относительно примитивным постройкам²⁸, на самом деле может облегчить восприятие и оценку типологического многообразия дольменов. С этой точки зрения не будет излишней модернизацией даже выделение проектов массовой и индивидуальной «застройки», различия между которыми, как и сегодня, регулировались общепринятыми нормами социального поведения и возможностями «заказчика». Уместность такой модернизации, кажется, подтверждают очевидные различия между такими огромными некрополями, как Богатырская поляна или Кизинка, состоящими из нескольких сотен стоящих рядами, похожих друг на друга дольменов, и «элитарными» сооружениями в урочище Клады, долине Жанэ, в Джубге или у пос.Анастасиевка (Псынако)²⁹. В то же время в любом социально стратифицированном обществе, а именно в таком, видимо, жили строители дольменов, «элитарные» постройки чаще всего служили образцом для строительства «обычных» дольменов. Это может означать, что многие из подобных памятников могут представлять не только уменьшенную, но и неполную, т.е. лишенную ряда архитектурных «излишеств», «скромную» копию «престижных» склепов. С этой точки зрения кажется целесообразным выделить на базе классификации Фелицына—Лаврова—Марковина «элитарные» и «массовые» типы архитектурных проектов дольменов с учетом не только конструкции погребальных камер, но и прочих, связанных с ними архитектурных элементов, в первую очередь, дворов и насыпей. В кратком изложении ясное представление об этих типах может быть получено из описания основных черт конкретных и наиболее ярких образцов, по названиям которых эти типы и могут быть названы³⁰:

— Несмотря на определенную унификацию архитектурных обмеров дольменов и требований к качеству полевой документации при их археологическом изучении (Марковин В.И., 1999), сегодня существуют определенные резервы по расширению списка обмеряемых элементов. Например, у всех дольменов кажется целесообразным измерять кривизну (в плане) фасадной плиты и разницу между длиной боковых плит и длиной камеры. Во всех случаях следует измерять размеры двора и насыпи.

— Судя по последовательности и характеру публикаций, первым в использовании методов современной статистической обработки дольменных обмеров был В.А.Дмитриев, что никак не нашло отражения в работе А.Д.Резепкина. Нет в этой работе упоминания и других предшественников А.Д.Резепкина в изучении затронутых им вопросов (Б.А.-Куфтина, Л.Н.Соловьева, О.М.Джапаридзе, Ю.Н.Воронова), на что указал В.И. Марковин (Марковин В.И., 1997, с.32).

— Предназначенные противостоять разрушительным силам времени, природы и людей дольмены как инженерные сооружения были воплощением знаний о прочности материалов в условиях обеспечения сохранности многотонных построек, путем сооружения специальных фундаментов, водоупорных покрытий, ливневых дренажей и даже фальшивых входов.

— Признаками «элитарности» дольменов могли служить как размеры погребальной камеры, так и размеры насыпи и двора. Площадь камер самых крупных из них достигала 25 кв.м при высоте 3,5м; высота насыпей выше 6м; площадь различной формы дворов — до 100кв.м. Кроме размеров, такими признаками могли служить особые архитектурные элементы (опорные колонны, стелы, жертвенники, монументальная зооморфная скульптура, циклопической кладки стены дворов, дромосы, крепиды вокруг насыпей и камер), а также качество отделки, роспись, рельефный и врезной орнамент на фасаде и стенах погребальных камер (по материалам раскопок В.И. Марковина, М.К.Тешева, А.Д.Резепкина, В.А.Трифонов).

— Последовательность изложения произвольная.

26

27

28

29

30

« **НОВОСВОБОДНАЯ** »

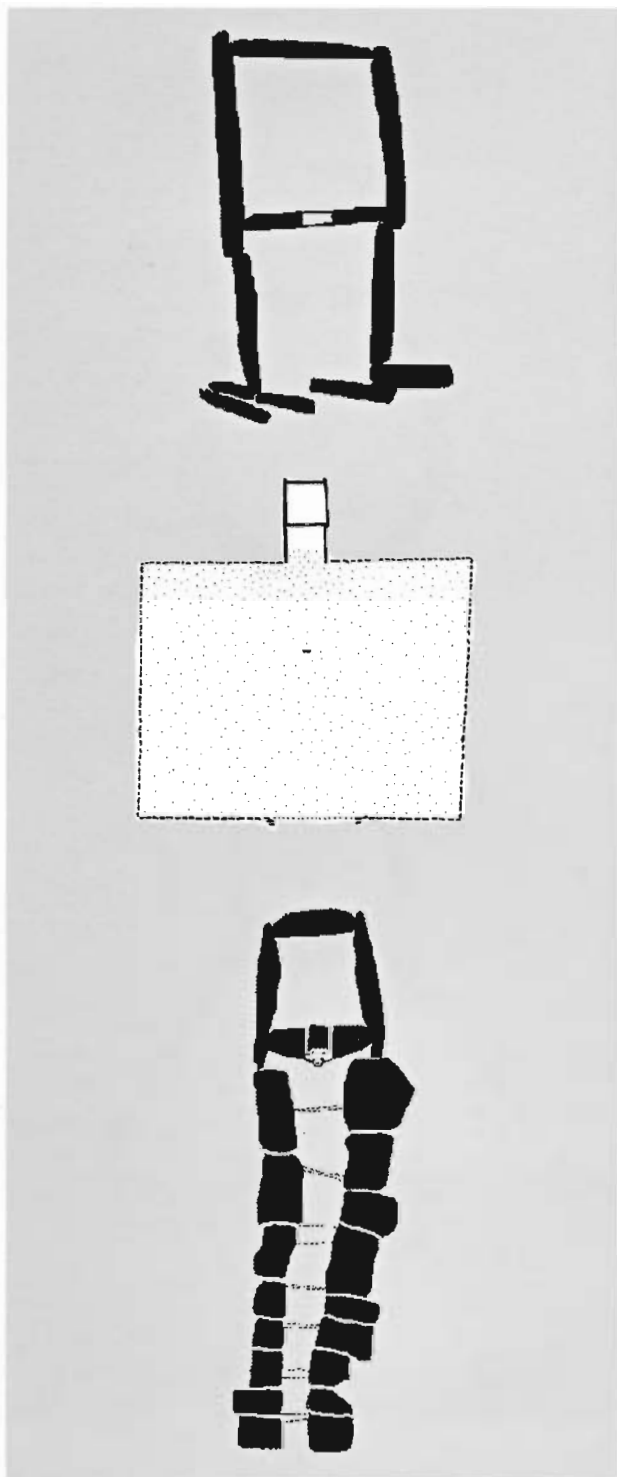
Почти все памятники этого типа обнаружены недалеко от станицы Новосвободной (бывшая Царская) (раскопки Н.И.Веселовского в 1898 году и А. Д.Резепкина в 1979—1983 годах). Это прямоугольный в плане дольмен из плит с таким же по форме притвором и плоским или двускатным перекрытием. Закрытое специальной пробкой входное отверстие в фасадной плите круглой или квадратной формы. Погребальную камеру и притвор окружала каменная наброска и перекрывала насыпь высотой несколько метров. Перед притвором — заваленный камнями двор, к которому примыкает, сложенный из валунов и гальки кромлех, опоясывающий насыпь. В одном случае стены погребальной камеры были покрыты многоцветной росписью. Дольмены «новосвободненского» типа отличает чаще всего исключительное богатство и разнообразие погребального инвентаря (Резепкин А.Д., 1987, 1991).

« **СЕРЕБРЯНЫЙ** »

Самый впечатляющий памятник этого типа исследован А.Д.Резепкиным в 1979—1983 годах (урочище Клады, ст.Новосвободная). Это большой прямоугольный в плане дольмен из плит с такой же формы притвором (порталом?). Входное отверстие в фасадной плите погребальной камеры квадратной формы. Боковые стены притвора, примыкающие к боковым стенам камеры, выше последних на толщину горизонтально уложенной плиты перекрытия камеры. В свою очередь, крыша притвора частично перекрывает крышу камеры, для чего по краю последней был сделан специальный паз. Перед притвором — огромный по площади (прибл. 600 кв.м) мощный камнем прямоугольный двор, в центре которого была установлена каменная стела. Погребальную камеру и притвор перекрывала гигантская насыпь около 12 м в высоту и 120 м в диаметре. На внутренних стенах и в пазах погребальной камеры сохранились следы росписи красной краской.

« **ПСЫНАКО** »

Сооружение подобного типа пока уникально, но продуманность замысла и высокое качество исполнения позволяют надеяться, что на Западном Кавказе это не единственный памятник. Он расположен на окраине поселка Анастасиевка и был исследован М.К.Тешевым и В.И.Марковиным в 1983-1984 годах. По ряду признаков до сих пор остается уникальным. Это трапециевидный в плане дольмен из плит с закрытым пробкой круглым отверстием в фасадной плите. Наружная поверхность фасадной плиты в плане и разрезе заметно закруглена. Так-

— По материалам раскопок М.К.Тешева и В.И. Марковина, а также результатам осмотра разрушающейся и законсервированной части памятника отрядом Прикубанской экспедиции ИИМК РАН (Санкт-Петербург), в 1991 году при участии архитекторов Академии художеств и ЛИСИ было подготовлено два варианта проектных предложений по обеспечению сохранности и реставрации Псынако (руководитель работ В.А.Трифонов) (Trifonov V.A., 1993).

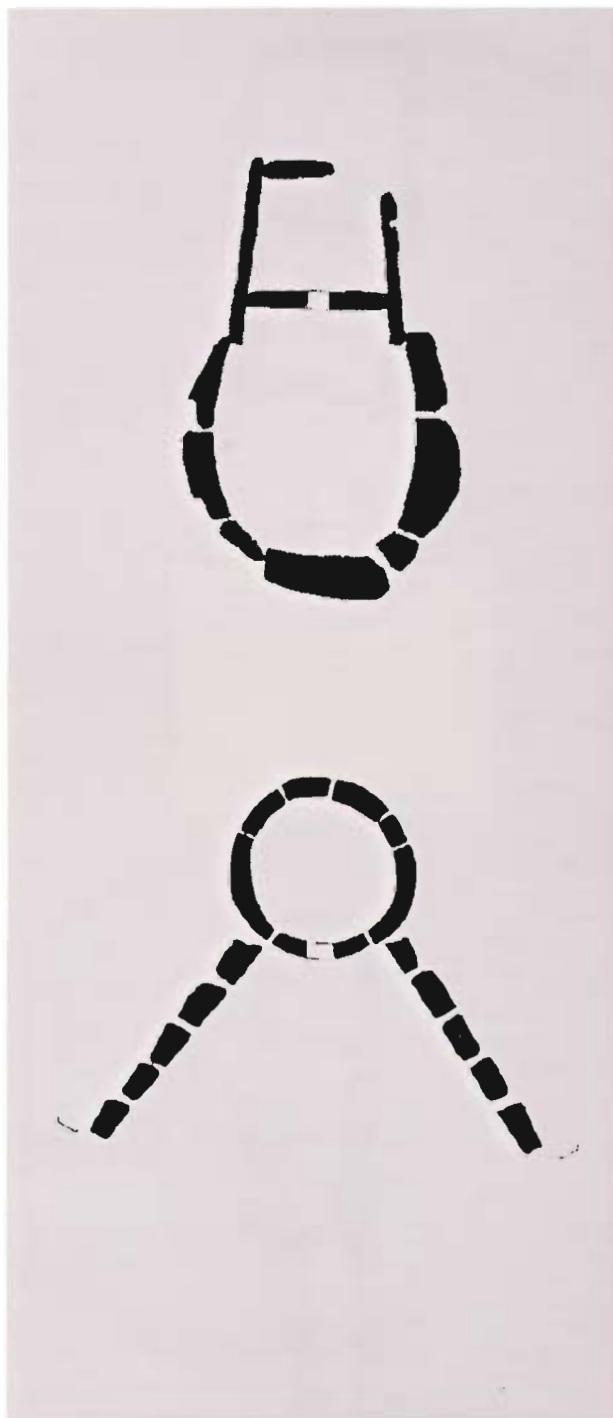
же закруглены снаружи верхние торцы остальных трех стен дольмена. К отверстию в фасадной плите вел сложенный насухо из плитняка дромос длиной 12м, шириной и высотой 0,5—1м³². Дольмен и часть примыкающего к нему дромоса были перекрыты толосообразной (псевдокупольной) структурой из тщательно отобранных и уложенных насухо крупных валунов вытянутой формы. Псевдотолос и ведущий к погребальной камере дромос были перекрыты водопорным слоем глины и окруженной кромлехом из валунов насыпью, высота которой, вероятно, достигала 6м (Марковин В.И., 1997 с. 312—338).

«ДЖУБГА»

Прекрасный образец памятников этого типа расположен в поселке Джубга. В литературе известен с 1841 года (Bell J.S., 1841). Частичные раскопки были проведены П.С.Уваровой в 1886 году (Уварова П.С., 1904). Наиболее точные обмеры выполнены В.И.Марковиным (Марковин В.И., 1997, с.296—297)³³. Это большой трапециевидный в плане дольмен из плит с примыкающим к нему округлым в плане двором около 4,5м в диаметре, стены которого были сложены на высоту стен дольмена из циклопических сегментовидных блоков в три яруса. Стены двора упираются в специальные пазы на боковых плитах дольмена. Дольмен стоит на вершине насыпи диаметром около 25м и высотой приблизительно 2,5м. Сохранились следы насыпи и вокруг дольмена. Основание стен двора лежит значительно ниже пола дольмена, что оставляет возможность для предположения о более раннем сооружении круглой конструкции относительно дольмена и ее вторичном использовании как двора при его строительстве. Для выяснения деталей архитектурного замысла и последовательности сооружения памятника необходимы его дополнительные археологические исследования.

« ЖАНЭ 1 »

Сохранившийся лучше других памятник этого типа расположен в окрестностях Геленджика. Впервые был осмотрен Д.Е.Фелицыным. С 1997 года исследуется экспедицией ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Памятник является центральным в группе из трех дольменов. Вполне вероятно, что он является только вариантом «проекта», по которому был построен дольмен в Джугбе и Отхаре (Цвинария И.И., 1990). Это большой трапециевидный в плане дольмен из плит с примыкающими к нему сложенными из сегментовидных блоков в пять ярусов (на высоту стен дольмена)

— Узкий дромос не относится к числу уникальных архитектурных элементов. Подобные коридоры устраивались как к трапециевидным в плане дольменам из плит (урочище Джеожтам) (Кондряков Н.В., 1999), так и к круглым, сложенным из блоков (Папоротная Гора, раскопки В.А.Трифоновой, 1990) или многогранным, построенным из узких вертикально поставленных плит (раскопки Н.Л.Каменева у ст. Царская в 1869 г.).
— В 1998 году памятник осмотрела экспедиция ИИМК РАН (Санкт-Петербург), в состав которой входил крупный голландский специалист по мегалитам Западной Европы Я.Баккер (J.Bakker).

полукруглыми в плане стенами общей длиной около 40м, отделяющими от каменной насыпи вокруг дольмена большой мощный камень двор перед его фасадом. На фасадной плите с круглым отверстием — рельефное П-образное изображение двух опор с перекрытием (?); на фасадных торцах боковых плит — врезные вертикальные параллельные зигзаги; на внутренних стенах погребальной камеры по периметру — орнамент в виде бордюра из ряда свисающих треугольников и горизонтального зигзага.

« ОЗЕРЕЙКА »

Памятник, ярче других представляющий тенденцию объединения дольменов в архитектурные комплексы, расположен в окрестностях Новороссийска и был исследован А.П.Кононенко и А.В.Дмитриевым (Кононенко А.П., 1988; Кондряков Н.В., 1999). Он представляет собой общую фигурную платформу высотой около 1м, длиной около 18м из крупных каменных блоков, сложенных насухо в три-четыре ряда, на которой было установлено три дольмена из плит. Сохранились следы каменных насыпей вокруг дольменов и признаки последовательного сооружения трех полукруглых частей платформы.

« КРАСНАЯ ПОЛЯНА »

Составить представление об этом типе памятников можно по результатам археологических исследований в поселке Красная Поляна. Группа памятников была обнаружена в середине 70-х годов случайно при строительстве дороги, раскопана местными краеведами и доследована Ю.Н.Вороновым, после чего получила название «колодцеобразных гробниц» (Воронов Ю.Н., 1979). В 1989 году одна из поврежденных гробниц была исследована отрядом Прикубанской экспедиции ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Памятник представляет собой круглую в плане (ложнокупольную) погребальную камеру, сложенную насухо из плитняка и перекрытую горизонтально уложенной массивной плитой. Диаметр камеры на уровне галечного пола 1,8м, на уровне потолка — 0,8м. К фасадной части памятника примыкают сложенные насухо из блоков в несколько рядов прямые стены длиной около 4м, ограждающие расширяющийся от фасада мощный плитняком и галькой двор. Вероятнее всего, погребальная камера и двор были построены на площадке, врезанной в естественный склон, и открытыми для зрителя были только сужающийся к камере двор, вход в камеру и козырек плиты перекрытия.

« ЖАНЭ 2 »

Наиболее полное представление об относительном множестве памятников этого типа дает один из трех дольменов группы Жанэ. Он представляет собой круглую в плане постройку, сложенную из циклопических сегментовидных блоков в три яруса и наклонно перекрытой округло-трапецевидной в плане плитой. Все детали тщательно подогнаны друг к другу с помощью пазов. Диаметр погребальной камеры на уровне пола (2,5м) на 0,4м больше, чем

на уровне потолка, за счет чего камера приобретает черты ложнокупольного сооружения. К фасадной части с круглым отверстием примыкали сложенные из тщательно отобранных валунов стены, отделяющие аккуратно сложенную из вытянутых валунов насыпь и мощный камень, расширяющийся от фасада двор. Скрытая насыпью часть дольмена (вся поверхность, кроме фасада) обработана значительно грубее фасадной части.

« ГУЗЕРИПЛЬ »

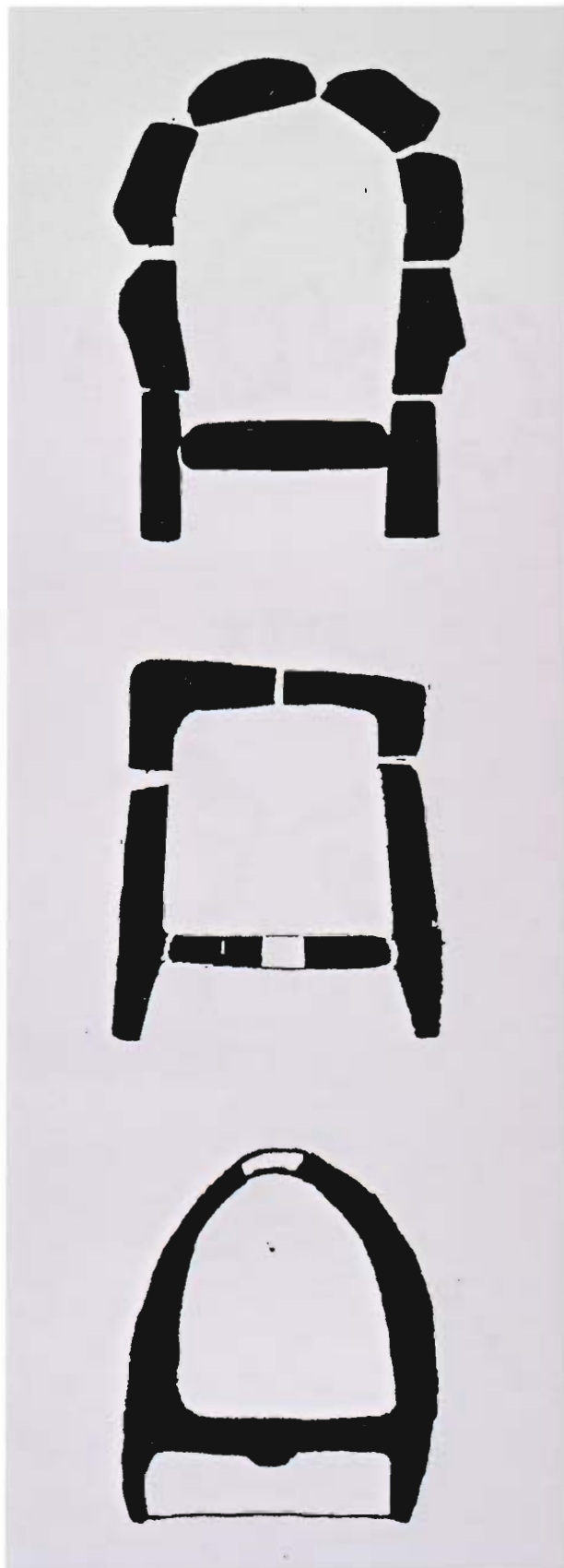
Характерной чертой этого оригинального инженерно-архитектурного типа является сочетание в одной конструкции прямой или изогнутой в плане фасадной плиты с сегментовидными блоками, образующими полукруглую или вытянутую апсидообразную камеру, сохраняющее при этом черты ложнокупольного сооружения. Камеру всегда окружает насыпь, а к порталному или простому фасаду примыкает расширяющийся двор. Типичным воплощением такого проекта, наряду с другими памятниками, является хорошо сохранившийся крупный дольмен у поселка Гузерипль (Марковин В.И., 1978, с.146).

« НЕКСИС »

Относительно редкие памятники этого типа может быть лучше других демонстрируют феноменальную консервативность и одновременно изобретательность строителей дольменов. Возможно, лучшим примером будет дольмен, расположенный на вершине горы Нексис в окрестностях села Азербиевка рядом с Геленджиком. Часть памятника была раскопана и исследована В.И.Марковиным (Марковин В.И., 1974). Это дольмен с трапециевидной в плане погребальной камерой, построенной из Г-образных блоков, формирующих слегка закругленные углы камеры, и слегка изогнутой в плане (выпуклой) фасадной плиты, в верхней части которой сделаны пазы для стыковки с верхними угловыми блоками. Ширина камеры на уровне потолка на 0,2м уже, чем у пола. Стены камеры ornamentированы врезным бордюром из горизонтального зигзага и двумя шевронами из параллельных горизонтальных и вертикальных зигзагов. Наружные углы блоков, из которых сложена камера, грубо обработаны и скруглены больше чем внутренние. Дольмен с трех сторон до крыши окружала сложенная из камней насыпь, а к тщательно отделанному фасаду примыкал расширяющийся двор, около 8м длиной.

« СОЛОНИКИ »

Этим названием можно обозначить группу типов корытообразных дольменов по традиционной классификации. Кроме изготовления погребальной камеры из крупной каменной глыбы, особенностью этого инженерно-архитектурного проекта является сочетание имитирующей конструкцию из плит фасадной части и закругленных очертаний камер, чья форма в плане может быть округло-трапециевидной, полукруглой и даже круглой. Такими же округлыми чаще всего бывают наклонные стены камер, ширина кото-

рых на уровне пола всегда превышает ширину под потолком. Для небольшого размера транспортабельных dolменов этой группы характерно скругление наружных углов, более грубая, чем у фасада, отделка боковых и задней наружных поверхностей, прикрытых насыпью, наличие двора перед фасадом. У крупных (нетранспортабельных) dolменов насыпь и двор воплощены в гигантского размера глыбе, в которой dolmen выдолблен. Перечисленные признаки в разной степени можно наблюдать у большинства корытообразных dolменов, но особенно ярко они прослеживаются у памятников в районе села Солоники (Марковин В.И., 1978, с.155—178).

« ВОЛКОНКА »

По существу, dolмены-монолиты отличаются от нетранспортабельных корытообразных dolменов только отсутствием плиты перекрытия. Лучшее подтверждение этому — dolmen у села Волконка (Марковин В.И., 1978, с.181).

« ПШАДА »

За этим названием (вместо определения «обычный») можно было бы закрепить значение самого массового по исполнению на Западном Кавказе инженерно-архитектурного проекта, воплощенного в тысячах построенных из плит трапециевидных во всех планах и видах dolменов. Именно в бассейне реки Пшад dolмены такого типа были впервые обнаружены в начале XIX века. Насыпь и двор являются неизменными атрибутами наиболее хорошо сохранившихся памятников этой группы типов. Чаще всего крупные dolмены именно этих типов вместе с монументальными архитектурными элементами дворов и насыпей составляют основу «престижных» комплексов.

« ФАРС »

В отличие от многочисленных dolменов типа «Пшад» на Западном Кавказе есть и уникальный по облику и конструкции мегалитический памятник, открытый в 1869 году полковником Н.Л.Каменевым недалеко от станицы Царской на реке Фарс. Этот памятник представлял собой конструкцию из 11 высоких (2,13м) вертикально поставленных на круглое основание плит, образующих многогранную погребальную камеру диаметром около 2,5м, перекрытую конической крышей из 8 плит треугольной формы. В самой широкой (0,9м) фасадной плите было квадратное отверстие, закрытое каменной пробкой. Камеру перекрывала насыпь, а к фасаду вел «...коридорный ход, оставшийся неисследованным» (Фелицын Е.Д., 1904, с.24).

Расставляя акценты в традиционной классифи-

— Из выделенных В.И.Марковиным типов корытообразных dolменов, видимо, следует исключить как самостоятельный пятый тип, представленный двумя перевернутыми и вторично использованными корытообразными dolменами, судя по высоте расположения отверстия, обычных пропорций (Марковин В.И., 1978, с.177).

кации несколько иначе, чем это принято обычно, приведенный вариант систематизации строительных и архитектурных особенностей дольменов может облегчить восприятие и оценку их типологического разнообразия, но он не дает ответа на вопрос об их происхождении. Для того чтобы искать ответ в правильном направлении, требуются не только верное представление о разнообразии дольменов и изобретательные гипотезы об их эволюции, но в первую очередь твердые данные о возрасте кавказских мегалитов.

ХРОНОЛОГИЯ ЗАПАДНОКАВКАЗСКИХ ДОЛЬМЕНОВ

История вопроса о вариантах происхождения западнокавказских мегалитических памятников полна ярких примеров дезориентации исследователей в историческом пространстве и времени благодаря заблуждениям относительно возраста дольменов. В первые годы после их открытия без каких-либо существенных оснований, а скорее под влиянием всеобщего увлечения классической археологией, дольмены датировали античным временем, расходясь во мнениях об оставивших их народах. Большинство склонялось к мнению, что это были варвары (Дюбуа де Монпере, К.К.Гёрц, А.С.Уваров), но были и те, кто допускал их принадлежность к «ахейнам Язона» (А.Б. Ашик). Опыт исследований мегалитических памятников в Западной Европе и отдельные находки из дольменов на Кавказе как будто подсказывали возможность их более раннего датирования — как тогда говорили: «последними годами периода шлифованного камня» (Берже А.П., 1875) или эпохой «так называемого каменного века» (Сизов В.И., 1889), но большинство наиболее ярких находок из дольменов, обнаруженных в тот период, действительно относилось к значительно более поздним эпохам. Особенно сильное впечатление на исследователей произвела находка Е.Д. Фелицыным в одном из дольменов у станицы Баговская боспорской монеты Рискупорида IV. На эту монету как важный аргумент в пользу столь позднего датирования дольменов неоднократно ссылались даже в российских энциклопедических статьях (Анучин Ф.Н., 1893, 1913). Компромиссное объяснение видимого противоречия между архаичным обликом дольменов и найденными в них предметами предложил сотрудник Кубанского статистического комитета В.М.Сысоев, полагавший, что строители дольменов жили по стандартам примитивной культуры перехода «от камня к бронзе и даже железу» во II-III веках по Р.Х. и позднее (Сысоев В.М., 1898).

В отличие от России в западноевропейских странах в конце XIX века возобладали точка зрения французского исследователя Эрнеста Шантра, относящего возникновение кавказских дольменов, по аналогии с французскими мегалитами, к каменному веку (Chantre E., 1885). Э.Шантр дважды (в 1879 и 1881 годах) путешествовал по Кавказу, сам дольменов не видел, но получил необходимые сведения от Е.Д.Фелицына, с которым познакомился в Москве, и Ф.Байерна, у которого останавливался в Тифлисе. Опубликованный Э.Шантром в 1885 году первый том результатов его кавказских экспедиций надолго стал основным источником сведений о кавказских дольменах для западноевропейских ученых (Borlase W.C., 1897).

Наконец, в 1898 году у станицы Царской (совр. Новосвободная) Н.И.Веселовский раскопал знаменитые дольмены с разнообразным погребальным инвентарем. Синхронность инвентаря сооружению гробницы не вызывала сомнений, но Н.И.Веселовский долго колебался с датировкой. В 1903 году А.А.Спицын в целом, как оказалось, из ошибочных представлений верно датировал эпохой бронзы раскопанные Н.И.Веселовским памятники (Спицын А.А., 1903), а спустя еще семь лет и сам Н.И.Веселовский стал относить их к тому же периоду (Веселовский Н.И., 1910). С этого момента датировка дольменов стала зависеть от двух причин: уточнения датировки отдельных археологических комплексов вещей, найденных при раскопках дольменов, и общего развития периодизации и хронологии эпохи бронзы не только на Кавказе, но и на сопредельных территориях Европы и Азии. История этого полного открытий и ошибок творческого процесса подробно изложена В.И.Марковиным (Марковин В.И., 1997). Наиболее крупный вклад в разработку кавказской периодизации и хронологии был сделан А.В.Шмидтом, А.А. Миллером и, особенно, А.А.Иессеном, который с 1935 по 1961 год несколько раз вносил поправки к кавказскую хронологию эпохи бронзы в целом и в датировку дольменов, в частности (Schmidt A.V., 1929; Миллер А.А., 1933; Иессен А.А., 1935, 1950, 1958, 1962; Марковин В.И., 1997, с.26).

Значительным достижением отечественной археологии этого времени стало выделение на Западном Кавказе археологических культур — совокупности археологических материалов, всесторонне отражающих жизнь реальных общностей людей. Было установлено, что дольмены типа «Новосвободная» относятся к особому варианту майкопской культуры эпохи ранней бронзы и известны пока только в одном районе Западного Кавказа³⁵ Поселения этого варианта культуры еще не исследованы, хотя их поиск планомерно ведется³⁶

Дольмены других типов занимают значительно

— Все дольмены этого типа были обнаружены в урочище Клады недалеко от станицы Новосвободной.

— Об открытии такого поселения в урочище Клады сообщил на заседании отдела Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН (22.01.1999 г.) А. Д. Резепкин.

ДОЛЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА

ТАБЛИЦА 1

Радиоуглеродные даты

№	Памятник	Геогр. Коорд.	Местонахождение образца	Материал	Лаб. индекс	14C дата, лет тому назад* (BP)	Калиб. дата (68%)** до Р.Х. (BC)
1	Новосвободненское	44°22'N, 40°25'E	культурный слой	уголь	Le- 5032	4510±40	3334-3102
2	Новосвободненское	44°22'N, 40°25'E	культурный слой	уголь	Le- 3645	3930±150	2610-2140
3	Новосвободная, Клады	44°22'N, 40°24'E	курган, дольмен 1, камера	кость чел.	Le- 5033	4260±60	2920-2700
4	Новосвободная, Клады	44°22'N, 40°24'E	курган 40, дольмен 1, камера	кость чел.	OxA- 5062	4425±60	3263-2922
5	Новосвободная, Клады	44°22'N, 40°24'E	курган 39, дольмен 2, камера	дерево	Le- 3583	3650±40	2110-1944
6	Старчики	44°22'N, 40°23'E	шурф 89, слой 3, верх	уголь	Le- 3585	3670±220	2390-1750
7	Старчики	44°22'N, 40°23'E	слой 2, 2Б1	кость жив.	OxA- 4308	4510±75	3315-3059
8	Старчики	44°22'N, 40°23'E	слой 2, 3Б1	кость жив.	OxA- 4309	3855±75	2419-2192
9	Старчики	44°22'N, 40°23'E	слой 3Б, 4Б1	кость жив.	OxA- 4465	3870±50	2421-2237
10	Старчики	44°22'N, 40°23'E	яма 1, дно	уголь	Le- 3755	3920±100	2560-2210
11	Старчики	44°22'N, 40°23'E		уголь	Le- 3758	4300±100	3090-2700
12	Старчики	44°22'N, 40°23'E	слой 3, кв. Б-3, гл. 1, 2 м	дерево	Le- 3569	4410±170	3340-2890
13	Гуамский грот	44°14'N, 39°55'E	слой 6 а	кость жив.	OxA- 4466	3220±120	1626-1334
14	Гуамский грот	44°14'N, 39°55'E	слой 6 б	кость жив.	OxA- 4467	3735±80	2261-2010
15	Гуамский грот	44°14'N, 39°55'E	слой 7	кость жив.	OxA- 4468	3765±50	2261-2068
16	Гуамский грот	44°14'N, 39°55'E	слой 8-9	кость жив.	OxA- 4469	3770±80	2312-2055
17	Гуамский грот	44°14'N, 39°55'E	слой 6, кв. Б-1	уголь	Le- 3682	3830±316	2860-1780
18	Дегуакско-Деховское	44°12'N, 40°12'E	очаг	дерево	Le- 1073	4030±80	2858-2456
19	Озерейка	44°44'N, 33°40'E	платформа, кв. 1Б	уголь	Le- 3681	3710±50	2184-1984
20	Псынако 1	44°09'N, 39°15'E	дромос	уголь	Le- 2396	2320±40?	460-260
21	Псынако 1	44°09'N, 39°15'E	курган, глиняный	уголь	Ki-	?	?1680-1570
22	Псынако 1	44°09'N, 39°15'E	курган, кострище	уголь	Ki-	?	?1430-1380
23	Псынако 1	44°09'N, 39°15'E	фундамент				
23	Псынако 1	44°09'N, 39°15'E	?, образец 1	уголь	Bin-	4290±40	2919-2880
24	Псынако 1	44°09'N, 39°15'E	?, образец 2	уголь	Bin-	3520±110	1970-1690
25	Псынако 1	44°09'N, 39°15'E	?, образец 3	уголь	Bin-	3330±50	1670-1530

* Все расчеты ведутся от 1950 года.

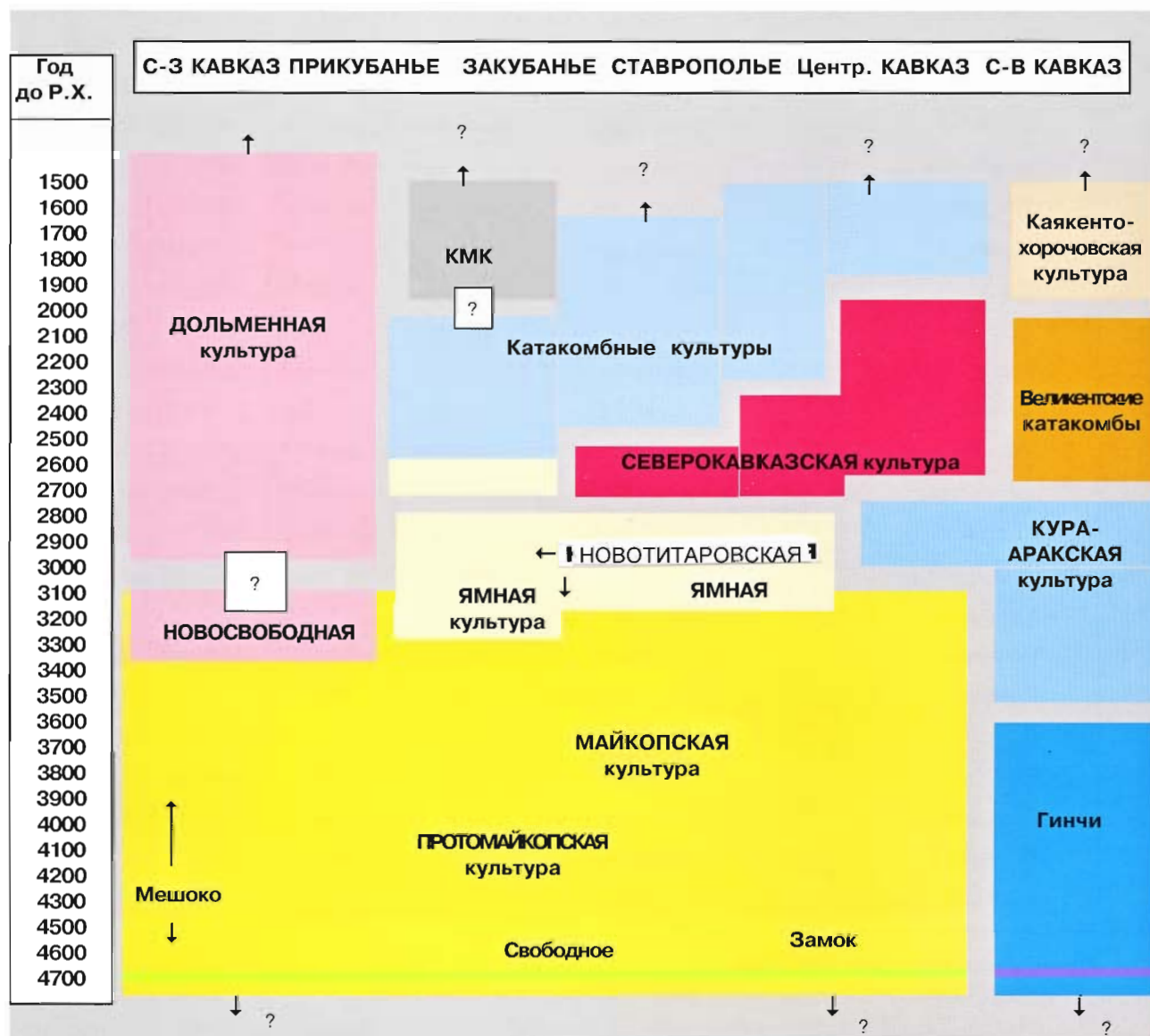
** 68% или 1 означают степень достоверности результатов калибровки.

большую территорию Западного Кавказа. Самая подробная карта их распространения была составлена В.И.Марковиным (Марковин В.И., 1997). Дольмены известны по обеим сторонам западного участка Главного Кавказского хребта. На юге они распространены до моря, на севере — до граничащих со степью предгорий. Самые западные дольмены в приморской части Кавказа известны в окрестностях Анапы, а на востоке они найдены на спускающихся к Колхидской низменности склонах, недалеко от города Очамчира(а) в Абхазии. Западная граница распространения дольменов на северных склонах хребта проходит приблизительно по долине Малой Лабы. В литературе неоднократно было отмечено, что дольмены есть в районах практически всех западнокавказских перевалов. Остается до конца невыясненным, есть ли они на юге современной Карачаево-Черкессии — в долине Кыфара, верховьях Большого Зеленчука и Маруха, где,

судя по некоторым довольно оригинальным находкам, можно предполагать их существование (Фелицын Е.Д., 1904, табл.Х, 20; Кузнецов В.А., 1961; Марковин В.И., 1978, с.152—155).

Из нескольких тысяч дольменов Западного Кавказа в разные годы археологически было исследовано около 150 памятников. Твердо установлено, что все они использовались для погребений, причем некоторые из дольменов служили склепами продолжительное время. Найденный вместе с погребенными разнообразный инвентарь позволил археологам прийти к заключению, что на всей территории распространения дольменов существовала в основных чертах единая культура. Представления о повседневных сторонах жизни населения, построившего дольмены, дополняли материалы поселений ³⁷, которые характеризовали их обитателей как оседлый народ, владевший мастерством бронзолитейного производства и

другими ремеслами (Марковин В.И., 1978, 1994; Рысин М.Б., 1992). Результаты датирования типологически систематизированных материалов из погребений и поселений, выделенных в особую дольменную культуру, и составляют основу современных представлений о возрасте дольменов. Эти данные получены различными прямыми и косвенными методами.

Самым прямым и довольно надежным является метод радиоуглеродного датирования образцов органического происхождения (древесный уголь, дерево, кости людей и животных). Достоверность и точность метода зависят в первую очередь от качества датируемого образца — его чистоты и сохранности. В настоящее время благодаря этому методу получено 25 дат различной степени точности (табл. 1).

Согласно общепринятым современным стандартам, все даты представлены в двух значениях: «от наших дней» (BP) — формальный необработанный результат, являющийся основой для дальнейших вычислений и уточнения (калибровки) значения; и «от Рождества Христова» (BC) — калиброванные (cal.) значения, вычисленные по современной общепринятой методике (Stuiver M., Becker M., 1993; Stuiver M., Pearson G.W., 1993). Датирование образцов было выполнено в различных лабораториях Европы (Санкт-Петербург, Киев, Оксфорд, Берлин) по разным методикам (жидкостно-сцинтилляционной и ускорительной масс-спектрометрии), при этом полученные результаты взаимно подтверждают друг друга.

Восемь дат из 25 прямо датируют погребения и сооружение дольменов, остальные — различные периоды обитания поселений дольменной культуры.

Для дольменов майкопской культуры, раскопанных Н.И.Веселовским и А.Д.Резепкиным в урочище Клады, радиоуглеродных дат нет, и принимать в расчет пока следует радиоуглеродные даты для других майкопских и новосвободненских погребений и поселений того же периода (Трифонов В.А., 2000).

Другим не менее важным основанием для датировки периода строительства и эксплуатации дольменов служит общая периодизация культур эпохи бронзы Кавказа, Европы и Азии, абсолютная хронология которой восходит в конечном итоге к основанным на астрономических наблюдениях календарным системам Древнего Востока и Египта. У такого способа датирования, несмотря на относительную сложность синхронизации региональных хронологических схем, есть очевидные достоинства, главное из которых — исключение случайных ошибок, которые все еще возможны

при использовании только радиоуглеродных дат ³⁸. Точность датирования зависит от достоверности системы установленных связей между культурами и соответственно между их периодизациями и хронологиями. Современные представления о системе таких связей майкопской и сменившей ее на Западном Кавказе дольменной культур (Трифонов В.А., 1996) позволяют представить их в виде соответствующей культурно-хронологической схемы (табл. 2).

Эта схема, в основу которой положены согласованные результаты периодизации культур, радиоуглеродного и традиционного датирования, показывает, что самые ранние мегалитические погребальные памятники появляются на Западном Кавказе во второй половине развития майкопской культуры (новосвободненский вариант) и датируются приблизительно во второй половине IV тыс. до Р.Х.

К концу IV тыс. до Р.Х. майкопскую культуру на Западном Кавказе сменяет дольменная, с развитием которой и связано широкое распространение обычая строить различного типа дольмены как погребальные сооружения. Дольменная культура прошла в своем развитии несколько этапов и, видимо, последний период ее плавной эволюции приходится на вторую половину II тыс. до Р.Х. Вклад дольменной культуры в последующее развитие всего Западного Кавказа особенно заметен в облике протокопской и протоколхидской культур конца II — начала I тыс. до Р.Х. Сейчас трудно сказать с уверенностью, как долго продолжалось строительство дольменов. Возможно, массовый характер этого строительства завершился к середине II тыс. до Р.Х., но достоверные данные указывают, что эксплуатация дольменов как погребальных сооружений продолжалась на довольно регулярной основе вплоть до VIII-VII веков до Р.Х., а эпизодически и позднее. Оценивая в целом характер дольменной культуры, следует отметить ее чрезвычайную стабильность, обратной стороной которой были ее консерватизм и традиционность в выработке или адаптации новых форм существования. Эта черта особенно удивительна на фоне перемен в прилегающей к Западному Кавказу степи, где за время существования дольменной культуры трижды различные культуры сменяли друг друга, каждый раз заимствуя эталоны ремесленного производства у горцев.

Располагая современными данными о времени появления дольменов на Западном Кавказе, теперь можно взвешено подойти к оценке гипотез об их происхождении.

— Известно около десятка в разной степени изученных поселений дольменной культуры.
— Опасность принятия неверных решений особенно велика, если в распоряжении исследователей всего одна дата. Например, одна из первых дат для кургана Псынако 1 (Le-2396) прежде была по недоразумению опубликована с ошибочным значением (возраст образца «от наших дней» был ошибочно принят за возраст от Рождества Христова) (Тешев М.К., 1988; Markovin V.I., 1993). Это единственная дата отличается от остальных настолько, что можно допустить как посещение кем-либо дромоса кургана Псынако 1 в последние века до Р.Х., так и сильную загрязненность образца для датирования.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОЛЬМЕНОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Все долгие годы изучения кавказских дольменов, загадка их происхождения оставалась самой интригующей проблемой, так как с ее решением были связаны зачастую чрезмерные ожидания от открытия судеб древних народов, надолго определивших культурно-историческое развитие Кавказа, Европы и Азии. Еще в первой половине XIX века энтузиазм первых лет исследований и иллюзорное сходство всех мегалитов породили идею о существовании некоего единого «мегалитического» или «дольменного» народа, с распространением которого, как тогда считали — из глубин Азии, широко распространилась и идея строительства мегалитических гробниц особого типа. А.Бонштеттен, чья работа оказала заметное влияние на его современников, полагал, что путей распространения дольменов с востока на запад было два, но оба начинались в одном месте — на «Малабарском берегу» Индии. В одном случае распространение шло через Кавказ, Крым, Силезию и дальше на Балтику, а оттуда по атлантическому побережью до Африки. Другой маршрут, по его мнению, проходил через Крым, Грецию, Сирию, Италию и Корсику. Очень скоро веру в существование «дольменного» народа поколебали возникшие противоречия между этой гипотезой и уже твердо установленными к тому времени археологическими данными о развитии культур в различных частях Азии и Европы. Особенно сильное впечатление на европейскую археологическую общественность произвело открытие в конце 60-х годов XIX века сначала в Алжире, а позднее по всему североафриканскому берегу от Туниса до Марокко, тысяч примитивных похожих на европейские дольменов. Часть французских археологов тогда же решила, что родина дольменов — Африка. Другая, более скептически настроенная часть европейских археологов нашла противоречия между гипотезой о «дольменном» народе и фактами неразрешимыми, а саму гипотезу — сомнительной. Англичанин Фергюссон в опубликованной в 1872 году книге о мегалитах мира, где он рассматривал и западнокавказские дольмены, утверждал, что памятники подобного типа были оставлены разными народами, при этом сам он сомневался в особой древности их сооружений (Fergusson J., 1872). Подводя итог возникшей дискуссии, уже в 1874 году на археологическом съезде в Стокгольме выдающийся французский археолог Габриэль де Мортилье сделал доклад о «несуществовании так называемого народа дольменов». Несмотря на весомость аргументов западноевропейских коллег, С.А.Уваров, находившийся, видимо, под

впечатлением работы А.Бонштеттена, не избежал искушения заманчивой простоты объяснения широкого распространения дольменов предполагаемой миграцией народов из Индии (Уваров С.А., 1878).

Как только идея трансконтинентальных миграций «строителей дольменов» из Азии через Кавказ в Европу лишилась авторитетных сторонников, кавказские дольмены надолго оказались на периферии научных интересов западноевропейских исследователей. Они полностью сконцентрировали свои усилия на разработке других гипотез о происхождении европейских мегалитов. С конца XIX века и приблизительно до 50-х годов XX века большинство археологов полагало, что в грубых мегалитических сооружениях Европы были воплощены замыслы архитекторов из Греции или с Ближнего Востока, строивших на родине такие гигантские толосы, как, например, так называемая гробница Атрея в Микенах (Mohen J. P., 1990.р.40). В России возможность заимствования на Кавказе идей погребального мегалитического строительства из Средиземноморья в конце 40-х годов допускал Б.Б.Пиотровский (Пиотровский Б.Б., 1948). Б.А.Куфтин не исключал и связей с Индией (Куфтин Б.А., 1949).

С изящной теорией «диффузии» идей мегалитизма из Средиземноморья в Европу пришлось растаться с появлением первых радиоуглеродных дат, которые к огромному удивлению многих продемонстрировали, что европейские мегалиты на две-три тысячи лет древнее их предполагаемых прототипов. Согласно современным данным мегалитическое строительство на западе Франции и Иберийском (Пиренейском) полуострове началось в середине V тыс. до Р.Х., в Британии — в конце V тыс. до Р.Х., на севере Европы в Дании — в начале IV тыс. до Р.Х. (Mohen J., p., 1990. P.47; Sherratt A., 1990. p.151). Такая древность памятников, превосходящая возраст всех прочих мегалитов мира, не оставляла западноевропейским исследователям другого выбора, кроме поиска убедительного объяснения их местного возникновения и продолжительного развития. История изучения европейских мегалитических памятников с этого момента — это история научной конкуренции между различными евроцентристскими моделями объяснения феномена мегалитизма. Другое дело Западный Кавказ. Здесь древность дольменов заметно уступала возрасту мегалитов Европы, а по представлениям многих, и Азии, что открывало широкие возможности для самых вольных миграционных гипотез. Уточнения датировки западнокавказских дольменов и совершенствование представлений об их разнообразии со временем наложили определенные ограничения на свободу миграционных интерпретаций ³⁹.

— Например, значительно реже стали связывать происхождение кавказских дольменов с индийскими, так как возникновение последних датируется концом II тыс. до Р.Х. (Wessels-Mevissen C., 1991). Из этого факта теперь делают и прямо противоположный вывод - происхождение индийских дольменов связывают с кавказскими (Joussaume R., 1988).

В 1960 году Л.И.Лавров кратко сформулировал основные положения гипотезы о переднеазиатском-средиземноморском происхождении западнокавказских дольменов (Лавров Л.И., 1960). Отсутствие в его изложении фактов, которые можно было бы проверить, давало возможность различных интерпретаций, что, видимо, и стало причиной укрепления этой гипотезы в отечественной археологии надолго. Л.И.Лавров исходил из следующих предположений. Во-первых, полагал он, на Кавказе у дольменов нет прототипов; во-вторых, кавказские дольмены нельзя отрывать от дольменов мира; в-третьих, распространение дольменов в приморских районах Европы и Азии свидетельствует об их распространении морскими путями. Из этого он делал вывод о появлении дольменов на Западном Кавказе в результате дальних морских экспедиций кавказских народов в Переднюю Азию и Средиземноморье (Лавров Л.И., 1960, с. 106–108). Позднее эту гипотезу разрабатывал В.И.Марковин. Он полагал, что «строители дольменов» прибыли на Кавказ из Западного Средиземноморья — с «Пиренейского полуострова и прилегающих островов», воспользовавшись господствующим морским средиземноморским течением, омывающим берега Северной Африки, Малой Азии и впадающим в Черное море (Марковин В.И., 1987, 1988, 1994). По мнению В.И.Марковина, известные в Западном Средиземноморье мегалитические «многоугольные постройки и сооружения без отверстий» являются прототипами кавказских дольменов, а толосообразные (псевдокупольные) гробницы Испании и Португалии — прототипами кавказских памятников типа Псынако 1 (Марковин В.И., 1994, 1997).

Гипотеза В.И.Марковина о пиренейском происхождении дольменов Кавказа была частично принята, а частично оспорена А.Д.Резепкиным. Не сомневаясь в справедливости мнения В.И.Марковина о пиренейском происхождении западнокавказских дольменов, А.Д.Резепкин резко возражал против отождествления с дольменами гробниц у станицы Новосвободной, раскопанных им и Н.И.Веселовским, рассматривая их как совершенно чуждые дольменам памятники иного происхождения. Эта точка зрения восходила к двум традициям. Одна из них, объясняющая своеобразие керамики из новосвободненских гробниц влиянием североамериканских культур, в России была заложена еще А.А.Спицыным, а в Западной Европе эту тему разрабатывал немец К.В.Штруве, который рассматривал возможность связей между материалами из Новосвободной и культурами шаровидных амфор и воронковидных кубков Северной Европы (Спицын А.А., 1903; Struve K.W., 1955). Авторами другой научной тради-

ции, касающейся оценки культурных различий между новосвободненскими и майкопскими памятниками, были Б.А.Латынин и А.Д.Столяр (Латынин Б.А., 1960; Столяр А.Д., 1960). Обе традиции впервые были объединены в исследованиях В.А.Сафронова и Н.А.Николаевой, которые предполагали, что появление гробниц Новосвободной является результатом миграции носителей западноевропейской культуры шаровидных амфор на Кавказ (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1974). Вариантом гипотезы Штруве—Сафронова—Николаевой и стало предположение А.Д.Резепкина, что этими мигрантами из центральной и северной Европы были не носители культуры шаровидных амфор, а представители более древней западноевропейской культуры воронковидных кубков (Резепкин А.Д., 1987). В целом интерпретация А.Д.Резепкина происхождения западнокавказских мегалитов выглядела следующим образом. Раньше других из районов центральной или северной Европы на Западный Кавказ, по его мнению, мигрируют носители культуры воронковидных кубков, продолжающие хоронить своих умерших в привычных для них мегалитических галерейных гробницах, вариантом которых и являются гробницы Новосвободной. С закатом майкопской культуры, считает А.Д.Резепкин, традиция строительства мегалитических гробниц на Западном Кавказе бесследно исчезает, а ей на смену сюда же на Западный Кавказ морским путем приходит совершенно другая «пиренейская» традиция строительства купольных гробниц, от которых и произошли кавказские дольмены (Резепкин А.Д., 1988). В.И.Марковин нашел мнение А.Д.Резепкина о различиях между «истинными» дольменами и гробницами Новосвободной неубедительным и привел ряд веских аргументов в пользу своей точки зрения (Марковин В.И., 1997, с.389—391).

Нетрудно заметить, что, как не велики различия между гипотезами В.И.Марковина и А.Д.Резепкина, у них много общего не только в решении, но и в подходе к проблеме происхождения западнокавказских дольменов. Оба варианта решений предполагают единственно возможным объяснением миграцию строителей дольменов из удаленных от Кавказа областей северной и юго-западной Европы, исходя из уже упомянутых предположений Л.И.Лаврова. Вопрос в том, в какой степени эти на первый взгляд очевидные предположения справедливы и соответствуют известным сегодня фактам.

Главной причиной желания объяснить происхождение дольменов миграцией народов или «диффузией» идей⁴⁰ была уверенность исследователей в

— Строго говоря, точка зрения Л.И.Лаврова представляет компромисс между миграцией и диффузией, так как в его представлении кавказские народы сами отправились морем за тридевять земель и, потрясенные увиденным где-то в Средиземноморье мегалитическим строительством (Пиренеи? Мальта? Крит? Кипр? Ближневосточное побережье?) вернулись обратно с желанием строить подобные гробницы.

отсутствии их прототипов на Кавказе ⁴¹. Но достаточно ли хорошо изучен Западный Кавказ, чтобы судить об этом с уверенностью. В случае с дольменами, видимо, не следует преувеличивать возможную примитивность и простоту местных прототипов (каменные ящики, дольмены без входа) ⁴², на существование которых ссылаются, впрочем, противореча себе, сторонники миграций. На Западном Кавказе есть более сложные и одновременно ранние формы мегалитических гробниц, в конструкции которых можно увидеть черты будущего разнообразия и совершенства дольменов Кавказа. Например, псевдокупольные гробницы Красной Поляны могут оказаться прототипом всех дольменов круглой, полукруглой и трапециевидной форм, а гробница Псыбе, найденная недалеко от Туапсе (Тешев М.К., 1986) — прототипом гробниц Новосвободной ⁴³. (Здесь: таблица — вариант развития архитектурных форм.)

Ключевая проблема принадлежности похожих погребальных сооружений двум разным культурам — майкопской и дольменной, может иметь не только «миграционное» решение. Немногочисленные пока материалы, в первую очередь некоторые типы чернолощенной лепной керамики из новосвободненских гробниц (именно та керамика, которую А.Д.Резепкин связывает с культурой воронковидных кубков), находят аналогии в керамике дольменной культуры. Это дает возможность предположить, что сами гробницы Новосвободной и лепная чернолощенная керамика могут оказаться проявлением влияния дольменной

культуры на майкопскую. Это могло бы объяснить и строгую локализацию памятников новосвободненского типа исключительно в западной части распространения майкопской культуры. Там, где майкопская и дольменная культуры не соприкасались (Центральный и Восточный Кавказ), нет и следов взаимного влияния. Другими словами, начало дольменной культуры может быть синхронным финальному периоду майкопской культуры.

Это только предположение, которое означает, что на Западном Кавказе могут найтись местные прототипы для всех разновидностей дольменов, как это произошло в Европе. Кроме этого, следует иметь в виду, что поиск прототипов — довольно сложная проблема, которая еще не решена для многих, в том числе и средиземноморских районов распространения мегалитов.

С задачей поиска прототипов кавказских мегалитов тесно связана проблема единства мира дольменов, или, точнее, проблема критериев этого единства. С развитием современных представлений о культурном и хронологическом разнообразии мегалитов Европы и Азии одного только внешнего сходства памятников стало недостаточно для уверенных выводов об их генетическом родстве. Пример возникших в конце II тыс. — начале I тыс. до Р.Х. индийских дольменов, больше других похожих на кавказские, показал, что человеческая культура, по неясным пока законам, способна создавать независимо и в разное время похожие формы. Этот малоизученный меха-

— Чтобы быть точным, следует отметить, что, кроме миграционного и диффузионного объяснения появления дольменов на Западном Кавказе, еще в начале XX века историком кубанского казачьего войска А.Ф.Щербиной было высказано предположение о местном (автохтонном) происхождении этого типа памятников. Каких-либо веских аргументов, кроме крайне произвольно использованных наблюдений Е.Д.Фелицына по Кожохской группе дольменов, в пользу своего мнения он не привел (Щербина А.Ф., 1910)

— Примером примитивно-эволюционного подхода к выделению местных прототипов дольменов служит точка зрения Н.Г.Ловпаче, полагающего, что погребения «с каменной обкладкой ... галечной подсыпкой ... дна и сфероидальной насыпью из булыжника» на восьмом этапе своего развития может приобрести «вид наземного четырехстенного каменного домика наподобие скворечника с наклонной крышей и круглым лазом» (Ловпаче Н.Г., 1997, с. 24—28). При таком подходе к проблеме теряет смысл само понятие прототипа.

— Именно так и предполагает А.Д.Резепкин (Резепкин А.Д., 1989), но в его культурно-хронологических построениях есть один логический изъян, на который следует обратить внимание. Согласно периодизации памятников новосвободненского типа, гробницы появляются только на позднем этапе развития этого культурного варианта (Резепкин А.Д., 1987). Но если это так, и традицию сооружения мегалитических гробниц мигранты из Европы принесли с собой, остается неясным, почему они не практиковали этот обряд погребения с самого начала прибытия на Кавказ, а заново изобретали гробницу. Чтобы избежать этого противоречия М.Б.Рысин предложил именно гробницу Псыбе считать самой ранней галерейной гробницей западноевропейского типа на Кавказе (Рысин М.Б., 1997, с.88). В схему А.Д.Резепкина эта поправка вносит только дополнительные противоречия. Наконец, нельзя оставить без внимания мнение В.И.Марковина о возможно значительном искажении в чертежах, опубликованных М.К.Тешевым, конструктивных особенностей гробницы в Псыбе.

— В определенной степени это компромиссное решение, которое могло бы разрешить противоречие между двумя крайними точками зрения: полным исключением гробниц Новосвободной из дольменных памятников и полным отождествлением этих гробниц с дольменами «дольменной культуры».

41

42

43

44

низ культурной конвергенции ⁴⁵ может оказаться ответственным за сходство близких хронологически, но территориально удаленных проявлений мегалитического строительства на Кавказе, Ближнем Востоке, в Средиземноморье и Европе. Даже наличия хронологического приоритета у предполагаемых прототипов относительно кавказских дольменов недостаточно для верного вывода. Это как раз тот случай, когда «после» не значит «вследствие». Среди мегалитов Европы, Средиземноморья и Ближнего Востока действительно достаточно много дольменов, датировка и внешние особенности которых могут смутить сходством с кавказскими любого исследователя, но оценить значение этого сходства можно только в региональном культурном контексте.

Дольмены как атрибут погребально-культовой практики относятся к наиболее консервативной части традиционной культуры. Если это так, то справедливо предположить, что распространение дольменов из региона в регион будет сопровождаться какими-либо еще элементами культуры, часть которых могли бы обнаружить археологи и тем самым подтвердить факт миграции, заимствования или «диффузии». Обнаружить такой комплекс различных элементов культуры стремились далеко не все археологи, которые верили в вероятность сверхдалних миграций. Обстоятельной других к этой проблеме подошел А.Д. Резепкин, предполагавший, что в восточноевропейской степи сохранились следы родственных энеолитических культур, связывавших некоторое время Западный Кавказ с поздненеолитическими культурами Северной Европы. Эти культуры и были той средой, в которой распространился особый погребальный обряд, в том числе и в мегалитических гробницах, а также чернолощенная керамика, аналогичная, по мнению А.Д. Резепкина, посуде культуры воронковидных кубков (Резепкин А.Д., 1991). Эта не новая для немецкой археологии теория встретила серьезную критику со стороны А.Хойслера, утверждавшего, что памятники Новосвободной не имеют ничего общего с северогерманскими культурами, а некоторые элементы сходства в устройстве погребальных сооружений являются результатом исключительно конвергенции. Это, в частности, касается фасадных плит с круглым отверстием. Мегалитические гробницы с подобными плитами меньше всего характерны для Германии, но с IV по II тыс. до Р.Х. были распространены на западе Франции, в Англии, Ирландии, Испании, Португалии, а также на юге Швеции (Hausler A.,

1994; Clifford E.M. & Daniel G.E., 1940).

Пример А.Д. Резепкина и его смелое предложение отождествить баальбергскую культуру в Германии с культурным прототипом новосвободненского варианта майкопской культуры на Западном Кавказе лучше других демонстрируют опасность оказаться под огнем жесткой критики, когда от общих рассуждений о сходстве между западноевропейскими мегалитами и новосвободненскими гробницами переходят к построению правдоподобной модели миграции.

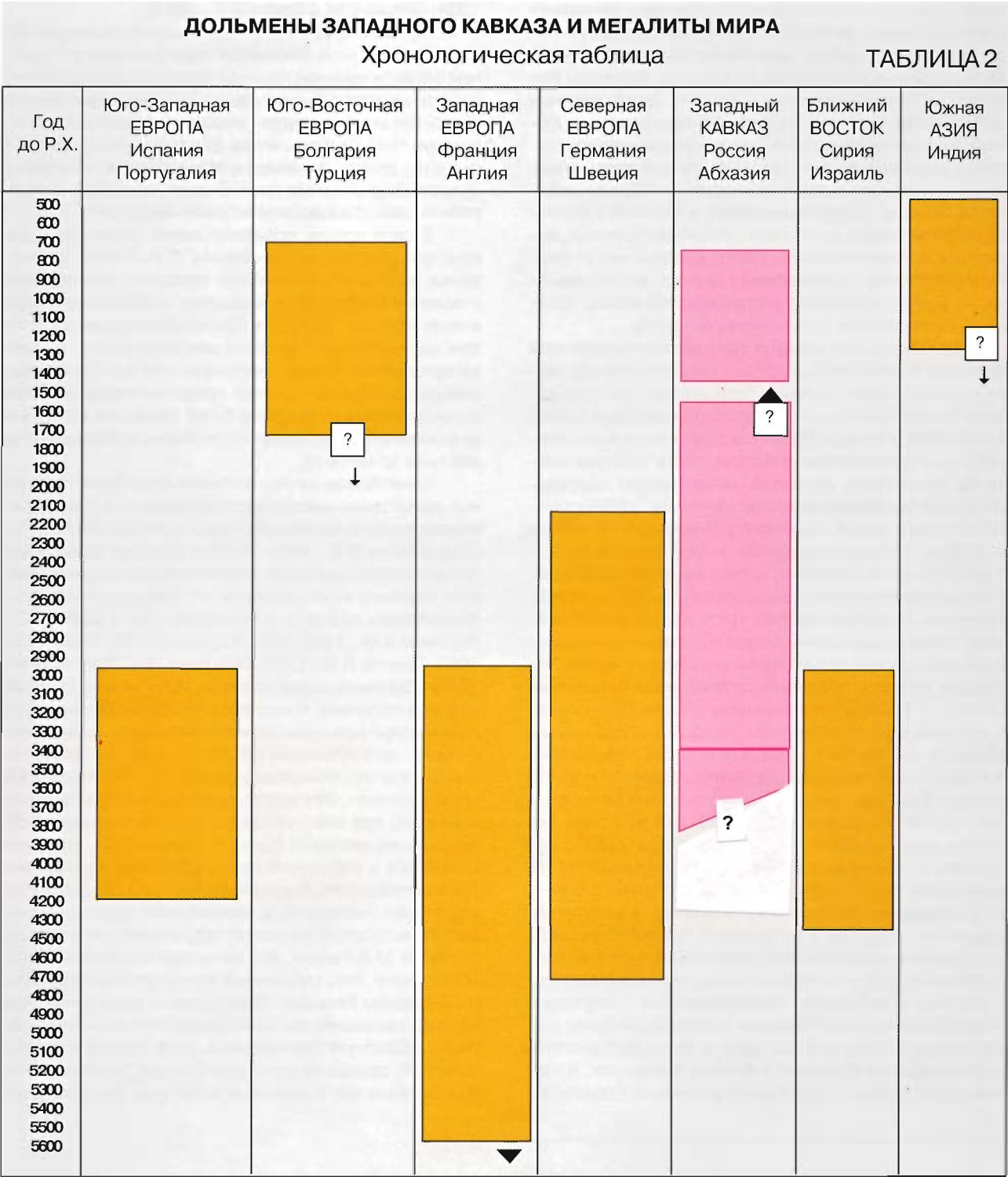
В своё время, предвидя такие трудности в реконструкции дальней миграции, Л.И. Лавров остановился на очень осторожном предположении заимствования кавказскими народами «дольменной» идеи в ходе морских походов в Средиземноморье. При таком подходе у него не было необходимости в поиске сухопутных следов миграции или заметных признаков культурного вклада пришлых народов. Идея строительства дольменов была занесена почти как инфекция и быстро распространилась на Кавказе, став местной традицией.

Своеобразным обновлением гипотезы о культурных заимствованиях кавказских народов в Средиземноморье и на Ближнем Востоке стали работы М.Б. Рысина (Рысин М.Б., 1991, 1997), в которых замысловатое изложение скрывает не новую мысль о существенном влиянии этих регионов на Западный Кавказ и дольменную культуру в частности (Готье Ю.В., 1925; Лещенко А.Ф., 1925, 1931; Соловьев Л.Н., 1956, 1958, 1960; Лавров Л.И., 1960; Соловьев Л.Н., Трапш М.М., 1968). Оригинальным вкладом М.Б. Рысина стал обширный перечень почти всех прототипов инвентаря дольменной культуры, включая керамику, украшения, оружие, погребальный обряд (дольмены), которые, как он полагает, обнаруживаются в «малоазийско-эгейском регионе». Эту мысль поясняет опубликованная им карта, где эти «истоки новаций» занимают обширную территорию Балкан, Малой Азии, островов Эгейского и восточной части Средиземного морей, Ближнего Востока (Рысин М.Б., 1997, с. 119). Даже если источники «новаций» в дольменной культуре были рассеяны на столь огромной территории, как это предполагает М.Б. Рысин, это не может заменить ясного объяснения, как, собранные воедино, они оказались на Западном Кавказе. Одно дело — культурная эпоха, мир малоазийских и ближневосточных цивилизаций с обширной периферией, куда всегда входил и Кавказ ⁴⁶, другое дело — конкретные, ограниченные в пространстве и времени культуры, реальные со-

— Пирамиды Египта и Мезоамерики чаще других служат классическим примером культурной конвергенции в погребально-культовой архитектуре.

— Иллюстрацией этой традиционной и давно укоренившейся в науке точки зрения на Кавказ (работы Б.А. Куфтина, А.А. Иессена, О.М. Джапаридзе) и является, по существу, перечень «новаций» в изложении М.Б. Рысина. Доверчивому читателю его статьи следует, однако, иметь в виду, что приведенное в ней изображение одной из самых ярких «новаций» — сложенного из блоков круглого в плане дольмена, якобы обнаруженного в Средиземноморье (Рысин М.Б. 1997, с. 119, рис. 17), на самом деле — результат авторской фантазии.

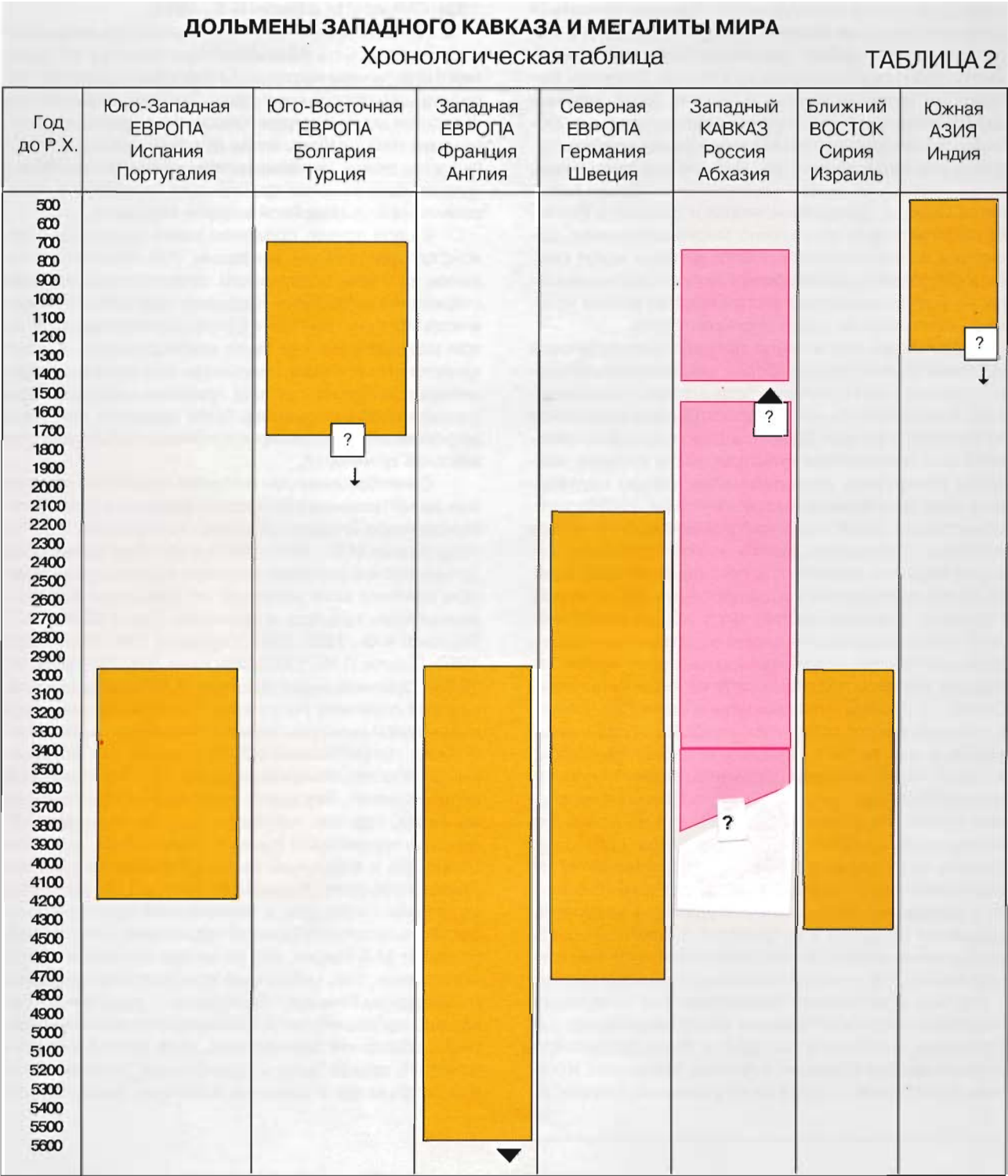

общества людей, в повседневной деятельности которых и проявляются тенденции эпохи. Какие это культуры и что это за сообщества, ответственные за формирование на Западном Кавказе практики строительства дольменов и погребения в них умерших, из работ М.Б.Рысина, как и из исследований его

предшественников, остается неясным.
В условиях, когда современная археология пока не может твердо ответить на вопрос о местном или пришлом происхождении дольменов Западного Кавказа, особый интерес приобретают знания о народах, населявших эту географическую страну в древности.

общества людей, в повседневной деятельности которых и проявляются тенденции эпохи. Какие это культуры и что это за сообщества, ответственные за формирование на Западном Кавказе практики строительства дольменов и погребения в них умерших, из работ М.Б.Рысина, как и из исследований его

предшественников, остается неясным.
В условиях, когда современная археология пока не может твердо ответить на вопрос о местном или пришлое происхождении дольменов Западного Кавказа, особый интерес приобретают знания о народах, населявших эту географическую страну в древности.

КТО ПОСТРОИЛ ДОЛЬМЕНЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ?

В отличие от проблемы происхождения в вопросе об этнической принадлежности западнокавказских строителей дольменов среди ученых уже долгое время существует почти полное согласие. Вероятнее всего, считает большинство исследователей, это были местные (автохтонные) народы, говорящие на абхазско-адыгских языках кавказской группы, то есть предки современных абхазов, адыгейцев, кабардинцев и черкесов ⁴⁷. Даже те исследователи, которые предполагали миграционное происхождение дольменов из различных областей Средиземноморья, придерживаются такой же этнической интерпретации их строителей. В основе этой точки зрения лежат два важных наблюдения. Во-первых, территория, на которой распространены дольмены, в деталях совпадает с территорией расселения абхазо-адыгских народов до переселения в XIV-XV веках кабардинцев на восток — в Пятигорье и междуречье Малки и Терека. Во-вторых, археологически ощутимый вклад дольменной культуры в развитие протоколхидской и протомеотской ⁴⁸ культур эпохи поздней бронзы — раннего железа, а также отсутствие признаков смены населения в последующие эпохи. Культурная преемственность, единство территории и стабильность населения дают серьезные основания предполагать,

что именно абхазо-адыгские народы и были творцами тысяч дольменов по всему Западнему Кавказу.

Из тех исследователей, которые считают подобные аргументы недостаточно убедительными и предлагают другую этническую интерпретацию, следует выделить В.А.Сафронова и А.Д.Резепкина. Последовательно отстаивая идею западноевропейского происхождения гробниц Новосвободной, В.А.Сафронов, а вслед за ним и А.Д.Резепкин отождествили население, оставившее эти гробницы с народом, говорившим на одном из индоевропейских (индогерманских) языков (Сафронов В.А., 1983; Резепкин А.Д., 1987). Оба исследователя исходили из двух в разной степени спорных предположений: локализации индоевропейской прародины в Центральной Европе и индоевропейской атрибуции культур шаровидных амфор и воронковидных кубков ⁴⁹. Согласно интерпретации А.Д.Резепкина, выходило, что первые мегалитические гробницы на Западном Кавказе начали строить индоевропейские эмигранты из Центральной и Северной Европы, которые позднее бесследно исчезают, уйдя через Кавказ в Азию, а их место занимают строители других мегалитических памятников, прототипы которых должны были принести новые эмигранты, теперь уже из Юго-Западной Европы. Драматизму этого сценария развития этнической истории Западного Кавказа противоречит именно та реальность, которую А.Д.Резепкин не может признать «до-

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКИ НАРОДОВ КАВКАЗА

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ семья языков		КАРТВЕЛЬСКАЯ семья языков	СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ семья языков		АЛТАЙСКАЯ семья языков
Иранские: Курды Талыши Таты Осетины	Арийские: Армяне	Грузины Аджарцы	Западно-кавказские:* Абхазы Кабардинцы Черкесы Адыги	Восточно-кавказские: Чеченцы, Ингуши Народы Дагестана: Аварцы, Даргинцы Табасараны Лезгины, Агулы Рутулы...	Тюркские: Кумыки Карачаевцы Балкарцы Азербайджанцы

* Наиболее вероятные языки народов «дольменной культуры»

- Полную библиографию, а также детальный анализ вопросов интерпретации этнической принадлежности строителей дольменов можно найти в работах В.И. Марковина (Марковин В.И., 1997, с.33).
- Следует иметь в виду, что некоторые лингвисты оспаривают мнение о западнокавказском языке античных меот, полагая, что они, как и родственные им синды, говорили на индоарийских языках (Трубачев О.Н., 1999).
- О современном состоянии проблемы поиска индоевропейской прародины в Европе можно узнать из работы В.А.Алекшина (Алекшин В.А., 1998).

47

48

49

статочным» аргументом (Резепкин А.Д., 1977, с.317)— отсутствие признаков смены населения.

Возвращаясь к удивительному совпадению границ распространения дольменов и области проживания абхазо-адыгских народов, следует иметь в виду, что территория распространения западнокавказских языков не всегда ограничивалась только Западным Кавказом. Согласно исследованиям лингвистов, в эту область входил и северо-восток Малой Азии, где был распространен родственный западнокавказским хаттский язык, часть ареала которого сократилась в III тыс. до Р.Х. за счет распространения индоевропейского хеттского языка (Старостин С.А., 1982; Иванов В.В., 1983, 1985). По мнению С.А.Старостина, принимая в расчет глоттохронологические выкладки, распад общесеверокавказского языкового единства на восточнокавказские и западнокавказские языки произошел ориентировочно около середины IV тыс. до Р.Х. (Старостин С.А., 1995). Ситуация этнолингвистического родства в этот период между Западным Кавказом и северо-востоком Малой Азии позволяет предположить и возможность определенного культурного единства между соседними областями. Это означает, что дольменная культура может оказаться одной из блока культур⁵⁰, формирующего на обширной территории благоприятную среду для свободной циркуляции культурных стандартов. С этой точки зрения вновь заслуживают специального внимания те работы, в которых северо-восток Малой Азии рассматривался как область распространения культур, родственных дольменной (Соловьев Л.Н., 1958)⁵¹.

ПОЧЕМУ СТРОИЛИ ДОЛЬМЕНЫ

Какой бы точки зрения не придерживаться в вопросе о происхождении дольменов - автохтонной, диффузионной или миграционной - трудно объяснить, почему из всего возможного разнообразия погребаль-

ных сооружений население Западного Кавказа в конце IV тыс. до Р.Х. остановило свой выбор на сооружении дольменов и продолжало это делать на протяжении почти 60 поколений.

Существенные элементы сходства между даже заведомо не связанными между собой мегалитами мира позволяют большинству их исследователей подозревать существование общих закономерностей в их возникновении и развитии. Опыт современного сравнительного изучения мегалитических памятников Западной Европы привел ряд исследователей к выводам, что причиной начала массового строительства мегалитических гробниц могло стать возникшее социальное напряжение в отношениях пришлых и местных культурных групп в условиях неолитизации Северо-Западной Европы и борьбы за обладание наиболее плодородными лёссовыми долинами. В стремлении утвердить свои права на землю, население стало возводить коллективные мегалитические гробницы, которые, наряду с погребальной и культовой функциями, выполняли роль зримых и несокрушимых «межевых» знаков, стали внушительным олицетворением прав на землю предков. В зависимости от локальных культурных особенностей пришлое население предпочтению отдавало различного типа мегалитическим сооружениям с вытянутыми насыпями, по планировке напоминавшим «длинные» дома, в которых они жили, а потомки местного мезолитического населения чаще возводили мегалитические погребальные камеры, перекрытые круглой насыпью (Renfrew A.C., 1976; Sherratt A., 1990)⁵².

Распространение дольменов на Кавказе не связано с процессом неолитизации - он завершился здесь задолго до этого, но вполне вероятно, что, как и в Европе, здесь, в условиях ограниченных ресурсов, на определенном этапе социального развития могла возникнуть потребность в монументальных, освященных обычаям символах территориальной собственности⁵³. Традиционно воинственные, раз-

— Понятие «блок культур» впервые было введено в употребление В.С.Бочкаревым (1981 год). Вариант определения и интерпретацию содержания этого понятия можно найти в статье В.А.Трифонов (Трифонов В.А., 1987, с. 19). Часть этого определения цитируется без ссылок в работе А.Д.Резепкина (Резепкин А.Д., 1991, с.191—192). Понятие «блок культур» относится к числу эффективных аналитических инструментов и, чтобы добиться результата, оно требует очень аккуратного использования. Нередко этим понятием пользуются при описании культурных явлений, существенно отличных от тех, которые первоначально имел в виду сам В.С.Бочкарев.

— Это не значит, что кропотливую работу в этом направлении можно заменить амбициозной, непрофессиональной и предвзято скроенной компиляцией, выдаваемой за правдивую этническую историю народов Западного Кавказа (Ловпаче Н.Г., 1997). В интерпретации Н.Г.Ловпаче она представляет такую дику смесь противоречивых, недостоверных и мистифицированных сведений, что специалисты просто оставили эту работу без внимания как литературу научно-фантастического жанра.

— Согласно этой теории, распространение мегалитов вдоль атлантического побережья Европы означает не развитие «мегалитического» мореплавания, а только результат движения местного европейского населения из глубин континента к атлантическому берегу как последнему рубежу их конфронтации с пришлыми «неолитическими» народами.

— Одну из особенностей отношения горских народов к земле выразил этнограф-кавказовед из Санкт-Петербурга В.А.Дмитриев: «Население Северного Кавказа...жило на своей земле, ценность которой в традиционной культуре горцев была выше ценности человеческой жизни» (Дмитриев В.А., 1994).

дробленные на многочисленные племена, роды и кланы, изолированные горными теснинами и хребтами, горские народы нуждались в эффективных механизмах самосохранения в конфликтных ситуациях. Сакральный характер мегалитических гробниц мог сдерживать взаимные территориальные претензии, а также служить вещественным доказательством исконных прав племенной, родовой или клановой собственности на землю, превратиться в материальный компонент обычного права.⁵⁴ В определенной степени, характерный для патриархальных оседлых обществ развитый культ предков, а вместе с ним и почитание дольменов, были одним из компонентов традиционной культуры, поддерживающей стабильность общественной жизни. Вот почему дольмены не разрушались, были окружены мистическим страхом и почитались даже сотни лет спустя, после того как их назначение было забыто.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращаясь к отдельным эпизодам истории изучения дольменов Западного Кавказа, оценке наиболее важных открытий и самых спорных проблем, нетрудно извлечь несколько уроков, которые при желании могли бы помочь скорректировать программу дальнейших исследований.

Самый главный и наиболее очевидный урок состоит в оценке роковых особенностей начального периода изучения дольменов. Абсолютное доминирование в те годы евроцентристского подхода к изучению мегалитов на долгие годы вырвало тему кавказских дольменов из культурного контекста собственно кавказской археологии. Когда европейская археология под давлением неразрешимых противоречий между старыми гипотезами и новыми фактами изменила стратегию исследований и обратилась к поиску местных корней мегалитического феномена, изучение мегалитов Кавказа продолжалось по инерции в прежнем направлении — поиске прототипов кавказских дольменов в удаленных областях Азии и Европы. Достижения западноевропейских исследователей в изучении закономерностей развития мегалитического строительства, ошибочно истолкованные в отечественной археологии как универсальные⁵⁵, обернулись для кавказских дольменов слепо скопированной и тенденциозной классификацией, искусственно расчленившей их на генетически разные группы.

В изучении дольменов оказалось чрезвычайно

трудным отказаться от иллюзорной убедительности сходства между мегалитическими постройками мира. Даже близкая к абсолютной идентичность памятников, как, например, кавказских и индийских, не гарантирует общности их происхождения. Опыт отечественных и зарубежных исследований показал, что ответ на вопрос о происхождении мегалитов чаще всего скрывается за решением проблемы происхождения культуры в полном объеме ее основных черт.

Оценивая современное состояние археологических источников по проблеме западнокавказских дольменов и вклад различных исследователей в формирование корпуса знаний об этих памятниках, нельзя не выделить значение исследований двух из них — выдающегося кубанского краеведа Евгения Дмитриевича Фелицына и известного кавказоведа Владимира Ивановича Марковина, без фундаментальных работ которых ни одна современная дискуссия о культурно-исторических особенностях дольменов была бы невозможна.

В то же время с сожалением можно отметить, как все еще мало в распоряжении археологов исследованных на современном уровне дольменов и поселений этой культуры, как приблизительны наши данные о распространении памятников, их возрасте, особенностях древнего климата и ландшафта, как поверхностны наши знания о образе жизни этого древнего кавказского народа и его представлениях о самой жизни и смерти.

Нет оснований считать, что решение всех этих проблем придет в ближайшее время. Прошли только первые двести лет изучения кавказских дольменов, и еще не одно поколение археологов будет с увлечением не только искать ответы на поставленные вопросы, но и сформулирует новые.

Сегодня дольмены на Западном Кавказе стали предметом массовой культуры, суеверных поклонений, научных мистификаций и туристического бизнеса. Восторженное увлечение мегалитами не раз поражало современное общество и в Западной Европе, доводя наиболее экзальтированную часть населения до вступления в «друидические» общества и секты, а наиболее практичную — до организации специализированного «дольменного» бизнеса, прибыльной частью которого становится продажа специальной литературы, чтение лекций, организация туров по «сакральным» местам, массовое лечение и колдовство, курсы самосовершенствования и самоспасения, «корректировка» судьбы, энергетическая

— До сих пор в территориальных спорах претензии на «землю отцов» чаще всего аргументируют наличием там могил истинных или мифических предков.

— Утверждение «давно» установленных общих законов мегалитического строительства, которые «повсюду подчинялись единым закономерностям», что в различных регионах обнаруживаются одни и те же основные типы сооружений» (Рысин М.Б., 1997, с.86), является не только ошибочным, но и опасным заблуждением, особенно для тех, кто, поверив в него, прекратит исследования в этом направлении.

«подпитка», обретение «сокровенного знания». Во все случаях подобного рода практика маскируется под науку, в рамках которой распространяются самые фантастические сведения со ссылками на несуществующие или псевдосекретные исследования⁵⁶. «Ничто так не окрыляет фантазию, как отсутствие фактов», — заметил один из первых исследователей кавказских дольменов, имея в виду именно волшебные фантазии, которые дилетанты камуфлируют под научные гипотезы⁵⁷. Всем, кто не видит различий между настоящей наукой и ее подражанием, следует помнить, что в стремлении познать мир человечество так и не нашло согласия между Верой и Знанием,

уравняв их в правах на обретение Истины. Здесь нет места ни для компромиссов, ни для взаимных упреков, ни для заимствований. Все, что мы сегодня знаем достоверного о дольменах Западного Кавказа, то есть подтвержденного доступными проверке фактами, обретено благодаря усилиям нескольких поколений ученых. Мода на дольмены, превратившаяся сегодня в мегалитоманию, подобную пережитой многими европейскими странами в XIX веке, рано или поздно пройдет, а исследования этих удивительных памятников будут продолжаться до тех пор, пока человечество себе не наскучит.

— Особенно сильное впечатление на доверчивых и неподготовленных людей произвели, например, слухи об открытиях, сделанных в ходе якобы секретных исследований группой ученых-ядерщиков из Арзамаса-16. На самом деле, летом 2000 года группа слегка экзальтированных туристов из Сарова (бывш. Арзамас-16) во главе с далеким от ядерной физики человеком посетила несколько дольменов в районе Геленджика.. Никаких серьезных исследований не проводилось, так как для этого не было ни специалистов, ни оборудования. Памятью о поездке «засекреченных физиков» стали сувенирные керамические медальоны с их собственными именами и адресами, оставленные ими в дольменах, надо полагать, с магическими целями.

— Из последних публикаций подобного рода ошеломляющей некомпетентностью и уверенностью в справедливости собственных заключений, лишенных даже здравого смысла, отличается сочинение Г.Костыри, решившего, что дольмены — не что иное, как печи для выплавки металлов и обжига керамики (Костырь Г. 2000). Еще большее сожаление вызывают публикации, в которых ошибки и искренние заблуждения сочетаются с циничной профанацией науки в угоду коммерческому успеху издания (Дмитриев Д.А., 2000).

56

57

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И.**, 1973. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М-Л, т.2.
- Адыгеев**, 1989. Историко-культурный очерк. Часть I. Майкоп.
- Азаматова М-К.З.**, 1997. Этнографические этюды. Майкоп.
- Алексин В.А.**, 1998. В поисках индоевропейской прародины. Между Скиллой археологии и Харибтой лингвистики // Проблемы археологии. Выпуск четвертый. СПб.
- Анучин Ф.Н.**, 1893. Дольмены // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т.20. СПб. (Статья подписана инициалами Д.Н.)
- Анучин Ф.Н.**, 1913. Дольмены // Энциклопедический словарь / Гранат. Т.18. М.
- Апостолов Л.Я.**, 1897. Географический очерк Кубанской области // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Вып. 23. Тифлис. I Отдел. С. 1-305.
- Аутлев П.У.**, Алибердов Т.Д., 1968. Адыгская народная метрология. // Ученые записки Адыгейского Научно-исследовательского института. Майкоп, Т.VIII.
- Ашик А.Б.** 1846. О последних археологических раскопках в Керчи // Журнал Министерства Внутренних Дел. Ч. 14. Кн. 4 (апрель-июнь). СПб.
- Байерн Ф.С.**, 1871. О древних сооружениях на Кавказе // Сборник сведений о Кавказе. Т. 1. Тифлис.
- Балагушкин Е.Г.**, 1999. Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. Часть I. М.
- Баркер Айлин**, 1997. Новые религиозные движения. Практическое введение. СПб.
- Бедукидзе Л.А.**, 1973. Народная мебель в горных районах Грузии. Тбилиси, (на груз. яз.).
- Берже А.П.**, 1875. Кавказ в археологическом отношении // Записки общества любителей кавказской археологии. Кн. 1. Тифлис.
- Берже А.П.**, 1876. Записка об археологии Кавказа // Труды II АС. Вып. 1. СПб.
- Бондаренко И.А.**, 1989. К вопросу об использовании мер длины в древнерусском зодчестве // Архитектурное наследство.
- Брун Ф.**, 1858. Яков, Виктор, Эдуард Тетбу де Мариньи (некролог) // ЗООИД. Т. 4. Одесса.
- Васюков С.И.**(без даты). Край гордой красоты. Кавказское побережье Черного моря. СПб.
- Веселовский Н.И.**, 1910. Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе // ИАК. Вып. 35. СПб.
- Воронов Ю.Н.**, 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.
- Гадагатль А.М.**, 1997. Память нации. Генезис эпоса «Нарты». Майкоп.
- Гёргс К.К.**, 1898. Археологическая топография Таманского полуострова. СПб.
- Готье Ю.В.**, 1925. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Л.
- Грозова И.**, 2000. Дневник офицера // Яков Гордин. Кавказ: Земля и Кровь / СПб.
- Гуц А.К.**, 2000. Многовариантная история России. М.
- Джанхот И.**, 1992. Древний мегалитический некрополь в Усть-Сахрае //XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп.
- Джапыуа З.**, 1995. Нартский эпос абхазов. Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система. Сухуми.
- Дмитриев В.А.**, 1979. К распространению дольменов Северо-Западного Кавказа // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л.
- Дмитриев В.А.**, 1983. Принципы построения модели функционирования «дольменной культуры» Западного Кавказа // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Л.
- Дмитриев В.А.**, 1984. О метрических характеристиках дольменов Западного Кавказа // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Майкоп.

- Дмитриев В.А.**, 1987. Традиционная метрология народов Северного Кавказа // Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Дмитриев В.А.**, 1992. Малая мера дольменов Западного Кавказа. // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, с.224-242.
- Дмитриев В.А.**, 1994. Горцы // Родина. №3-4
- Дмитриев Д.А.**, 2000. Дольмены: тайна тысячелетий. Воронеж.
- Дольмены**, 1999. Серия «Экскурсия в разум». М.
- Замаровский В.**, 1986. Их величества пирамиды. М.
- Зеленин К.Д.**, 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Иванов В.В.**, 1983. История славянских и балканских названий металлов. М.
- Иванов В.В.**, 1985. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия. М.
- Иессен А.А.**, 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. Вып. 120. М.-Л.
- Иессен А.А.**, 1950. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. Вып. XII.
- Иессен А.А.**, 1958. Хронология кавказских культур эпохи энеолита и бронзы // Тезисы докладов на Пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1957 г. М.
- Иессен А.А.**, 1962. Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г.
- Инал-Ипа Ш.Д.**, 1976. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми.
- Ионин Л.Г.**, 1995. Основания социокультурного анализа. Учебное пособие. М.
- Калинина В.Н.**, 1999. Аршин, ярд и другие меры. Калининград, Карачаевцы. Отв. ред. Лавров В.И. Черкесск, 1978.
- Клейн Л.С.**, 1995. Археологические источники // Классика археологии. Вып. 2. СПб.
- Книжные страсти**, 1987. Сатирические произведения русских и советских писателей о книгах и книжниках. М.
- Кобычев В.П.**, 1982. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М.
- Кондряков Н.В.**, 1999. Дромосы и кромлехи дольменов Западного Кавказа // Сочинский краевед. Вып. 5. Сочи.
- Кононенко А.П.**, 1988. Дольменный комплекс близ города Новороссийска // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала.
- Костыря Г.**, 2000. Дольмены Северного Кавказа - гипотезы и реальность. СПб.
- Кузнецов В.А.**, 1961. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // КСИА. Вып. 85.
- Культура адыгов**, 1993 . (по свидетельствам европейских авторов). Нальчик.
- Куртц П.**, 1999. Искушение потусторонним. М.
- Куфтин Б.А.**, 1949. Материалы к археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси.
- Лавров Л.И.**, 1960. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Вып. XXXI. Сухуми.
- Лапинский Теофил (Теффик-бей)**, 1995. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея), полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев. Нальчик.
- Латынин Б.А.**, 1960. Вопросы изучения майкопской культуры // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1959 г. Л.
- Лауэр Ж-Ф.**, 1966. Загадки египетских пирамид. М.
- Леги Жан-Мари**, 1988. Кого страшит развитие науки? Научные работнки, политика и общество. М.
- Лещенко А.Ф.**, 1931. Матеріали до орнаментики дольменів на Північно-Західньому Кавказі // Антропологія. Київ, вып. IV.

- Лещенко А.Ф.**, 1925. О времени сооружения мегалитических памятников Северо-Западного Кавказа // Известия Общества любителей изучения Кубанского края. Вып. IX. Краснодар.
- Лещенко А.Ф.**, 1931. Матеріали до орнаментики дольменів на північно-західньому Кавказі // Антропологія. Т. IV за р. 1930. Київ.
- Ловпаче Н.Г.**, 1997. Этническая история Западной Черкесии. Майкоп.
- Ловпаче Н.Г.**, 1998. Духовный грабеж // Нарт.
- Ловпаче Н.Г.**, 1998. Легенда об испыунах, или бульдозером по истории // Советская Адыгея. 28 ноября.
- Макдауэлл Джош, Стюарт Дон**, 1993. Обманщики. Во что верят приверженцы культов. Как они заманивают последователей. М.
- Мамардашвили М.**, 1996. Необходимость себя. Введение в философию, доклады, статьи, философские записки. М.
- Марковин В.И.**, 1974. Составной дольмен у сел.Адербиевка и дольменовидные гробницы в бассейне р. Кяфар //КСИА. Вып. 142.
- Марковин В.И.**, 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.
- Марковин В.И., Тешев М.К.**, 1985. Исследование кургана Псынако I близ Туапсе // Археологические открытия, 1984. М.
- Марковин В.И.**, 1987. Еще раз о племенах Западного Кавказа, их происхождении и о северокавказской культурно-исторической общности // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла. Материалы симпозиума. Тбилиси
- Марковин В.И.**, 1988. К истории морских плаваний и миграций // Природа и человек. М.
- Марковин В.И.**, 1994. Глава 2. Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа.
- Марковин В.И.**, 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.
- Марковин В.И.**, 1999. К методике полевого изучения дольменов // РА. №1
- Марковин В.И.**, 2000. Дольмены Западного Кавказа: мистика, научные мнения и перспективы дальнейшего изучения // СА. 4. С. 26-42.
- Мастер**, 1999. Репортаж о тайнах Гузерипльского дольмена. Майкоп.
- Мегре В.**, 1997. Анастасия. Первая книга. Серия «Звенящие кедры России». М.
- Мегре В.**, 1999а. Звенящие кедры России. Книга II. М-СПб.
- Мегре В.**, 1999б. Пространство любви. России. Книга III. М-СПб.
- Мигдал А.**, 1983. Поиски истины. М.
- Миллер А.А.**, 1933. Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры. №1/2. М.-Л.
- Монтень Мишель**, 1997. Опыты. М.
- Москвич Григорий**, 1914. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу.
- Мурзакевич Н.**, 1863. Антон Балтазарович Ашик (некролог) // ЗООИД. Т. 5. Одесса.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А.**, 1974. Происхождение дольменной культуры Северо-западного Кавказа // Сообщения научно-методического совета по охране памятников МК СССР. Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Вып.VII. М.
- Носовский Г.В., Фоменко А.Т.**, 1996. Империя. Русь, Турция, Китай, Европа, Египет. Новая математическая хронология древности. М.
- Носовский Г.В., Фоменко А.Т.**, 1999. Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии? Книга II. М. С. 466
- Ортеге-и-Гассет Х.**, 1991. Что такое философия? М.
- Пиотровский Б.Б.** 1948. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н.э. (курс лекций).

- Попова Т.Б.**, 1963. Дольмены станицы Новосвободной // Труды ГИМ. Вып. 34. М.
- Последнее искушение**, 1999. («Тайное знание» в свете православия). М.
- Пропп В.Я.**, 1976. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.
- Путь дольмена**, 1999. Антология дольменов Кавказа.
- Рабле Франсуа**, 1961. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.
- Радней О.**, 1999. Человека Дух ушедшего в Дольмен... (В эти конструкции из камня уходили Живыми Люди, обладающие Знаниями Первоисточков, чтобы в Духе донести их Вам). М.
- Резепкин А.Д.**, 1977. Рецензия на книгу: Марковин В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов // СА. №4
- Резепкин А.Д.**, 1982. О распространении дольменов Западного Кавказа // КСИА. Вып. 169.
- Резепкин А.Д.**, 1987. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосвободной // КСИА. Вып. 192
- Резепкин А.Д.**, 1988. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа. Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 156-163.
- Резепкин А.Д.**, 1991. Курган 31 могильника Клады: проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Рысин М.Б.**, 1991. Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Рысин М.Б.**, 1992. Керамика из поселений строителей дольменов в Майкопском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Рысин М.Б.**, 1997. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб.
- Сафронов В.А.**, 1983. Проблемы индоевропейской прародины. Орджоникидзе.
- Сизов В.И.**, 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК. Вып. II. М.
- Сиюхов Сефербий**, 1997. Избранное. Нальчик.
- Соловьев Л.Н.**, 1958. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы - стоянки Воронцовской пещеры // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Вып. XXIX. Сухуми.
- Соловьев Л.Н.**, 1960. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Воронцовской пещеры // Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Вып. XXXI. Сухуми.
- Соловьев Л.Н., Трапш М.М.**, 1968. Основные результаты археологического исследования Абхазии за годы советской власти // Под знаменем Октября. Сухуми.
- Сорохтин Г.Н.**, 1915. Дольмены Черноморской губернии и Кубанской области // Юбилейный сборник Крымско-Кавказского Горного клуба. Одесса
- Сорохтин Г.Н.**, 1916. Материалы к вопросу о дольменах Кавказа // Записки Музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа. Новороссийск
- Спицын А.А. (А.С.)**, 1903. Медный век в Верхнем Поволжье // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. V. Вып. 1. СПб
- Старостин С.А.**, 1982. Об одном миграционном термине: еще раз о названии «железа» в языках Евразии // Вторая всесоюзная школа молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.) Тезисы. Т. II. Языкознание. Литературоведение. М.
- Старостин С.А.**, 1995. Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала.
- Столяр А.Д.**, 1960. Энеолитическое поселение Мешоко // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1959 г. Л.

- Сысоев В.М.**, 1898. Краткий археологический очерк Кубанской области (и Черноморской губернии) // Кубанский сборник. Т. 4. Екатеринодар.
- Сысоев В.М.**, 1904. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г. // МАК. Т. 9.
- Тайлор Э.Б.**, 1889. Первобытная культура. М.
- Тешев М.К.**, 1986. Гробница Псыбе - памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье // Новое в археологии Северного Кавказа. М.
- Тешев М.К.**, 1988. Мегалитический архитектурный комплекс Псынако 1 в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Тихомиров Л.**, 2000. Религиозно-философские основы истории. М.
- Топоров В.Н.**, 1973. О космогонических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Тарту. Т. VI
- Трифонов В.А.**, 1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып. 192.
- Трифонов В.А.**, 1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита - бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб.
- Трифонов В.А.**, 2000. Курганы майкопского типа в Северо-Западном Иране // Судьба Ученого. К 100-летию со дня рождения Б.А.Латынина. Сб. материалов. СПб. С. 244-264
- Трубачев О.Н.**, 1999. INDOARICA в Северном Причерноморье. М.
- Тхаркахо Ю.А.**, 1991. Адыгейско-русский словарь. Майкоп.
- Уваров А.С.**, 1876. Мегалитические памятники в России // Древности. Т. VI, вып. 3.
- Уваров А.С.**, 1878. Мегалитические памятники в России // Древности. Т. VII, вып. 3
- Уварова П.С.** 1904. Несколько дополнительных сведений по вопросу о кавказских дольменов // МАК. Т. 9.
- Фабр А.**, 1848. О памятниках некоторых народов варварских древне обитавших в нынешнем Новороссийском крае // ЗООИД. Том второй.
- Фелицын Е.Д.**, 1904. Западно-кавказские дольмены // Материалы по археологии Кавказа. М. т. IX.
- Фелицын Е.Д.**, 1904. Западно-кавказские дольмены // МАК. Т. 9.
- Фролов Б.А.**, 1985. От первобытных форм рациональных знаний к науке древнего мира // Этнографические исследования развития культуры. М.
- Фролов Б.А.**, 1992. Первобытная графика Европы. М.
- Фролов Б.А.**, 1974. Числа в графике палеолита. Новосибирск.
- Фромм Э.**, 1992. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск.
- Хокинс Дж., Уайт Дж.**, 1984. Разгадка тайны Стоунхенджа. М.
- Цвинария И.И.**, 1990. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси.
- Щербина Ф.А.**, 1910.(репринт 1992) История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринодар.
- Элиаде М.**, 1994. Священное и мирское. М.
- Элиаде М.**, 1999. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.
-
- Bell J.S.**, 1840. Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838, 1839. London
- Bonstetten de A.**, 1865. Essai sur les Dolmens. Geneva.
- Borlase W.C.**, 1897. The Dolmens of Ireland. Vol. II, III. London
- Briard Jacques**, 1991. Die megalithen der Bretagne. Lucon.
- Briard Jacques**, 1997. Les Megalithes, Esoterisme et realite. Collection mieux connaitre.
- Chantre E.**, 1885. Recherches anthropologiques dans le Caucase // Tome premier, Periode prehistorique. Paris - Lyon.
- Chippindale C (C.R.C.)** . 1986. Translator's preface // Joussaume R., 1988. Dolmens for the Dead. London.

- Giot Pierre-Roland**, 1994. Vorgeschichte in der Bretagne menhire und dolmen. Chateaulin.
- Clifford E.M.&Daniel G.E.**, 1940. The Rodmarton and Avening Portholes // Proceedings of the Prehistoric Society. New Series Vol. VI. Part.I.
- Daniel G.E.**, 1941. The dual nature of the megalithic colonization of prehistoric Europe // Proceeding of the Prehistoric Society. London, t. VIII.
- Daniel G.E.**, 1958. The Megalith Builders of Western Europe. London,
- Daniel G.**, 1950. The Prehistoric Chamber Tombs of England and Wales. Cambridge.
- Dubois de Montpereux**, 1839-1843. Voyage autour de Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée... Paris, Gide.
- Fergusson J.**, 1872. Rude Stone Monuments in all Countries. London
- Hausler A.**, 1994. Die Majkop-Kultur und Mitteleuropa // Zeitschrift fur Archaologie. 28. Berlin
- Joussaume R.**, 1988. Dolmens for the Dead. London
- Le Grand d'Aussy**, 1824. Des sepultures nationales. Paris
- Markovin V.I.**, 1993. Der Kurgan Psynako 1, Rayon Tuapse im Krasnodarer Land (Westkaukasus) // Zeitschrift fur Archaologie. 27. Berlin
- Markovin V.I.**, 1993. Der Kurgan Psynako I, Rayon Tuapse im Krasnodarer Land (Westkaukasus) // Zeitschrift fur Archaologie. H. 27, Berlin
- Mohen J.-P.**, 1990. The World of Megaliths. New York, Oxford, Sydney.
- Mohen J.-P.**, 1998. Les Megalithes, Pierres de Memoire. Decouvertes gallimard, archeologie.
- Olivera de Jorge, Sarantopoulos Panagiotis, Balesteros Carmen**, 1997. Antas - Capelas e Capelas Junti a Antas no Territorio Portugues. Lisboa.
- Pallas P.S.**, 1803. Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794 // Bd.II. Leipzig.
- Renfrew A.C.**, 1976. Megaliths, territories and populations // Acculturation and Continuity in Atlantic Europe. Bruges: de Tempel.
- Schmidt A.V.**, 1929. Die Kurgane der Stanica Konstantinovskajy // ESA. 4.
- Sherratt A.**, 1990. The genesis of megaliths: monumentality, ethnicity and social complexity in Neolithic north-west Europe // World Archaeology. Vol. 22. No. 2. October.
- Struve K.W.**, 1955. Die Einzelgrabkultur in Schleswig-Holstein. Neumunster.
- Stuiver M., Becker M.**, 1993. High-precision bidecadal calibration on the radiocarbon time scale, AD 1950-6000 BC // Radiocarbon. Stuiver M., Long A. and Kra R.S., eds. Calibration. Vol. 35 (1).
- Stuiver M., Pearson G.W.**, 1993. High-precision bidecadal calibration on the radiocarbon time scale, AD 1950-500 BC and 2500-6000 BC // Radiocarbon. Stuiver M., Long A. and Kra R.S., eds. Calibration. Vol. 35 (1).
- Taitbout de Marigny**, T., 1821. Voyage en Circassie fait en 1818. Bruxelles.
- Tallgren A.M.**, 1934. Sur les monuments megalithiques du Caucase occidental//Eurasia Septentrionalis Antiqua, IX. Helsinki
- Tallgren A.M.**, 1934. Sur les monuments megalithiques du Caucase Ocidental // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, V. IX.
- Trifonov V.A.**, 1993. Presenting archaeological sites to the public in Russia (theory and practice) // A.Killebrew (ed.) Interpreting the past: presenting archaeological sites to the public. Haifa.
- Trifonov V.A.**, 1994. The Caucasus and the Near East in the Early Bronze Age (Fourth & Third Millennia BC) // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 13. No. 3. November.

Vivien L., 1841. Introduction. Historique et Geographique // Bell J.S., 1841. Journal d'une r(sidence en Circassie pendant les annees 1837, 1838 et 1839. Paris.

Wessels-Mevissen C., 1991. Adichehanallur reconsidered - a typological study of south Indian «Megalithic» Pottery // Beitrage zur Allgemeinen und Vergleichenden Archaologie. Band II.

УДК 930.26 (411.6)
ББК 63.4 (2357)
Д 65

ISBN 5-7561-0760-6

Д 65   Дольмены, Свидетели древних цивилизаций. — Краснодар.
Краснодарское книжное издательство, 2001, 128 с. : ил.

УДК 930.26 (411.6)
ББК 63.4 (2357)

Редактор

В.И. Яковлев

Технический редактор

С.М. Александров

Подписано в печать 22.01.2001

Формат 84х108/16. Объем 13,44 усл. печ.л.

Печать офсетная

Заказ № 1/17 Тираж 1000

ГУП «Краснодарское книжное издательство»

Лицензия ЛР № 010013 от 16 октября 1996г.

ISBN 5-7561-0760-6

- © Комитет по охране , реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края, 2001
- © ГУП «Краснодарское книжное издательство», 2001

Отпечатано с электронного носителя в ООО «Издательский дом «Агни»,
Самара, ул. Мичурина, 23. т.(8462) 70-23-60